

Тимур Максютов Ольга Рэйн

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЧИСЛА

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

Зеркало (Рипол)

Тимур МаксютОВ
Зеркальные числа

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Максютов Т. Я.

Зеркальные числа / Т. Я. Максютов — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Зеркало (Рипол))

ISBN 978-5-386-13321-4

В рассказах тринадцатой книги серии «Зеркало» – приключения и драмы, философские размышления и красивые фантазии, рискованные авантюры и обдуманные. Герои живут, любят и находят выходы из самых невероятных ситуаций в далеком космосе и советской воинской части, на чужой планете и в старой русской усадьбе. «Все в этом мире есть число» – говорил Пифагор. «Вселенная движется по нескончаемо повторяющимся циклам от единицы до девятки» – вторит ему нумерология.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-13321-4

© Максютов Т. Я., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Зеркальные Числа	6
Власть, могущество, мужество, отвага, жизненная стойкость	7
Ольга Рейн	9
Тимур Максютов	24
Изящество, женственность, деликатность, гибкость, партнерство	38
Ольга Рейн	39
Тимур Максютов	51
Фантазия, творчество; жизнелюбие и всепобеждающий оптимизм	69
Ольга Рейн	70
Тимур Максютов	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Тимур Максютлов, Ольга Рейн

Зеркальные числа

© Тимур Максютлов и Ольга Рейн, 2019

© Адам Шерман, иллюстрации, 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Зеркальные Числа

*Все в этом мире есть число,
Весь мир построен на силе цифр.
Все упорядочивается согласно числам.
Числа правят миром.*

Пифагор

*Мысль о пространстве рождает «ах»,
Оперу, взгляд в лорнет.
В числах есть нечто, чего в словах,
Даже крикнув их, нет...*

И. Бродский

*Если тебе трудно сразу понять всю бесконечность, постарайся
понять хотя бы ее половину.*
И. Гёте

...а зеркальные числа же, навроде 1221 или же на циферблате часовом 13:31, выражают свойство Вселенной особое: размножаться внутри себя самой за счет отражений всего, в ней существующего. Да, одно из отражений обычно – иллюзия. Но часто сложно понять, которое из них. И само время в этой отражающей самое себя Вселенной, с нумерологической точки зрения, движется по нескончаемо повторяющимся циклам от 1 до 9...

...Пифагор и философы, которые восприняли систему его мышления, также верили, что цифры обладают индивидуальными, сублимированными качествами. Греки записывали цифры точками, собирая их в геометрические формы. Четные числа могли делиться на два и вследствие этого имели женские «отверстия», в то время как нечетные числа не делились и поэтому имели мужскую «производительную часть». Четные цифры представляли целостность, а нечетные – убежденность, силу и созидание...

Власть, могущество, мужество, отвага, жизненная стойкость

Число 1 соответствует Солнцу. Оно является началом, с помощью которого строятся остальные девять чисел. Основой всех чисел является единица, основой всей жизни является единица. Это число представляет все, что является творческим, индивидуальным и положительным.

Ольга Рейн

Издавека долго

*Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов*

В. Шекспир

Восьмого апреля 1910 года ученик пятого класса Санкт-Петербургской 10-й казенной гимназии Коля Желтяков окончательно решил погубить свою бессмертную душу и начал приготовления к занятиям магией вуду.

Другого способа повлиять на учителя математики Виссариона Ивановича Степанова, за глаза называемого Вист, просто не оставалось.

– Вы, Желтяков, не только безнадежно тупы, но и весьма ленивы, – говорил Вист в начале года, хмурясь и разглядывая тетрадь с домашним заданием, будто в ней щенок нагадил, а не Коля задачи порешал, пусть и слегка неряшливо. – Я таких учеников страсть как не люблю, не думаю, что мы сработаемся.

И ведь как в воду глядел, подлец. Придирался, к доске вызывал на сложные задания, ответить не давал нормально, путал вопросами. Коля уже со счета сбился, сколько раз Вист на него пожаловался классному наставнику, сколько раз его оставляли на два часа после уроков с занесением наказания в дневник, а потом еще и дома попадало.

– Коленька, у тебя же стипендию отнимут, – говорила мама, чуть не плача. – А плата за учение – шестьдесят рублей в год, нам не поднять.

Отец неохотно, но больно порол.

– Рука отцов пороть устала, – говорил он, вешая ремень в шкаф. – Смешались в кучу кони, люди. Ну, горе луковое, садись, давай вместе решать алгебру твою...

Папа сочувствовал пешеходам, бредущим из пункта А в пункт Б – он служил почтальоном и каждый день проходил верст шесть или семь. Маленькая кухня наполнилась запахами табака, усталости, сургуча, снега, чужих подъездов, бумаги, пеньки, холодного ветра с Невы и еще с десятком запахов папы и Петербурга.

Пешеходы шли, версту за верстой передвигая усталые ноги, трубы изливались в бассейны, а Коля все никак не мог победить ненавистного Виста. А на прошлой неделе еще и подрался с Мишкой Некрасовым, да так, что у форменной гимназической фуражки козырек скособочился. Мать увидит – заругается. А еще брюки опять стали коротки и выпускать внизу уже больше нечего, надо новые покупать...

В общем, когда Вист в очередной раз его выгнал из класса, назвав болваном и мерзавцем, да еще и вслед посулил полный провал на экзамене и посоветовал расспросить школьного сторожа Сильвестра о карьере дворника, потому что выше метить Коле не следовало – что ему оставалось делать? Или идти топиться, или в анархисты, или же заняться вуду, чтобы приструнить ненавистника.

Про вуду рассказывал Мишка Некрасов на той неделе – у него отец преподавал в институте Правоведения историю религий, и дома было полно книжек, в том числе и запрещенных. Нужно было сделать куклу врага, называемую «вольт», потом провести обряд, который устанавливает симпатическую связь между куклой и объектом.

– В куклу заложить что-то, принадлежащее недругу, – говорил Мишка, сидя на подоконнике и разминая в пальцах папиросу. Как он курит, никто не видел, но папиросу он всегда держал на переменах, наверняка одну и ту же, у отца украденную, чтобы пыль в глаза пускать.

– Вещь какую-нибудь мелкую. И непременно плотское что-то – каплю крови там, или волосы.

– Ногти можно? – спросил маленький рыжеволосый Сенечка Генинг. Он с первого класса совсем не рос, такое у него было заболевание. Но веселый был, добрый, иногда Коле помогал с математикой.

– Можно, – разрешил Мишка. – И еще туда надо волшебный талисман зашить, гри-гри он называется в вуду.

– А что с куклой делать-то? – спросил Сеня.

– Управлять жертвой можно, – сказал Мишка, усмехаясь. – Или мучить по-всякому. Иголки втыкать, жечь, щипать. Но это надо силу иметь внутреннюю и храбрость, а ты же, Генинг, насквозь плюгавый, тебе зачем?

Тут-то Коля с ним и подрался – из-за того, какое у Сенечки лицо сделалось. Но про вуду запомнил.

Шить Коля умел очень плохо, куклу бы не смог.

Пришлось украсть у сестры пупса размером с ладонь, с целлулоидной головой и мягким тканевым телом. У Дашки их был целый выводок, штук пять, одного, небось, и не хватит.

Унося его в свою комнату, Коля воровато оглядывался и чувствовал себя ужасным преступником, похитителем младенцев. Собравшись с духом и стараясь не глядеть в распахнутые голубые глаза пупса, он подпорол боковой шов вдоль его тела, чтобы затолкать туда колдовские ингредиенты.

Когда Вист его оставил опять после уроков – долго ждать не пришлось – Коля выдернул страницу из его любимого задачника, который учитель оставил на столе, выходя покурить. Учебник был старый совсем, потрепанный, с надписью на форзаце «Висечке от любящего его дедушки Петра, Самара 1875». Коля растрогался, но отступать было некуда. Он выдрал лист из середины, стараясь почище, чтобы заметно не было.

В верхнем ящике стола нашелся гребешок, которым Вист приглаживал свои редкие кудри, а на нем – несколько волосков. Коля их быстренько прибрал, все обратно задвинул и сел на место, как будто ничего ужасного не совершил. Трясся, чуть не плакал от того, каким плохим человеком его сделала магия вуду. Вист посмотрел на него странно, когда вернулся, и отпустил пораньше.

А дома Дашка рыдала по пропавшему пупсу Васечке. Пришлось побежать чрез улицу, купить ей леденцов на последние свои пять копеек, а назавтра в столовой бесплатный пустой чай дуть. Но сестренка успокоилась и у Коли на сердце чуть отлегло. Он поиграл с нею часок, заучил главу по истории, почитал физику, а после ужина пошел в свою комнату и приступил к черному колдовству.

– Ты теперь не Васечка, а Висечка, – сказал Коля пупсу. Тот светло и идиотически улыбался розовыми губами.

В целлулоидную голову Коля затолкал три Вистовых волоска – два русых и один седой совсем. В грудь – порванную на полоски страничку из задачника.

«Баржа прошла против течения реки сорок верст и вернулась в пункт отправления...»

«Из города А в город Б одновременно выехали два экипажа...»

«Поезд, двигаясь равномерно, проезжает мимо придорожного столба за 36 секунд...»

А потом Коля поднял дощечку под окном и достал волшебный талисман, что у него был припасен для куклы вуду. Темно-синюю стеклянную пирамидку размером с мизинец ноги,

которую он нашел прошлым летом, когда гостил у бабушки в Царицынском уезде, в селе со смешным названием Песковатка.

Лето тогда стояло душное, тучи обложили небо серой ватой, но дождя не давали, погромыхивало только, да сквозь низкий облачный слой ночами виднелись яркие разноцветные вспышки.

– У бога чудес много, – пожимала плечами бабушка. – Разные явления бывают в атмосфере, свет по-разному преломляется. Пойдем спать, Коленька.

Бабушка выписывала «Вестник науки» и держала над кроватью портреты Ньютона и Фарадея.

А на третью ночь загрохотало неподалеку так, что земля дрогнула, будто великан с облака сверзился, обманутый коварным мальчишкой Джеком, не вернув себе ни золотой арфы, ни волшебной несущки.

Коля проснулся с бьющимся сердцем, по всей Песковатке дети закричали, а собаки завyli. Раздался страшный плеск, и тут же тихо опять стало, дождь хлынул, забарабанил по крышам, успокоил пробудившихся, потянул обратно в сон ровным своим, древним ритмом.

Наутро Коля проснулся от веселых возгласов на улице и удивленных разговоров. На берег ночью рыба выбросилась, снулая, но живая. Чехонь, жерех, лещ пудами, плотва сотнями, пара огромных икранных осетров и судаков без счету. Жители Песковатки радостно бежали к реке с ведрами, корытами, мешками. Всю соль в сельском магазине скупил в первый час после открытия, рыбный дух долго еще витал в воздухе, а у детишек бедняцких за ту неделю славно щеки округлились.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – говорила бабушка, раскатывая тесто на пирог с осетриной. Эту цитату она приберегала для совсем особых случаев, когда сказать было нечего.

– Больше нигде такого феномена не было, – говорил кавалерист в отставке и заядлый песковатский рыбак Степан Антонович, частенько навещающий Колину бабушку – вдовела она десятый год и натуру имела приветливую. – Только нам подарок от Волги-матушки. А рыба-то какая! Половина – вообще проходная, те, что из Каспия заходят. Ты, Николай, помнишь, куда Волга впадает?

– В Каму, а та – в Каспийское море, – умничал Коля и бежал на речку, нырять с мальчишками. Там-то, на дне, рядом с сомовьим омутом, он и нашел синюю пирамидку. Вода в реке в тот день была прозрачная, он нырнул и сразу отблеск приметил. Боязно было, но он поплыл вниз за синим сиянием – сквозь холодные струи придонного течения, сквозь противные скользкие водоросли, сквозь воображаемые голодные взгляды сомов – ухватил блестяшку, всплыл с нею к солнышку.

– Стекло, – сказала бабушка, снимая очки. – Простое стекло, вроде бутылочного. Очень красиво граненое, интересно, зачем. И значки вырезаны на гранях странные. Еврейские, может?

– Экая забавная штуkenция, – сказал папа, прищуриваясь и глядя сквозь пирамидку в окно поезда, увозившего их обратно в Санкт-Петербург. – И что она на дне делала? Давай, Коля, стелиться, дорога дальняя. Я когда маленький был, однажды нырнул и солдатику оловянного нашел, старого, с краской облупленной. Долго он моим любимцем был, не помню, куда потом делся. Ужинать будешь? Яички, помидоры, рыбки тебе бабушка пожарила. Ты стекляшку эту Дарье везешь подарить? Она по тебе скучала все лето.

– Вот еще, – буркнул Коля, кокая сваренное вкрутую яйцо о раму окошка. – Моя пирамидка. Дашке вон кубики бабушка передала.

Он сказал папе, что стекло иногда светится в темноте, как маленький синий звездный осколок, а папа не поверил. Но Коля помнил о волшебстве, и сейчас синему стеклышку предстояло стать гри-гри для куклы вуду.

Он зашил мягкое тельце пупса через край суровой ниткой. Теперь надо было закончить ритуал, призвав Дьявола, но Коля боялся, да и устал уже, спать хотелось. Решил обойтись по-доброму, без сатаны.

– Теперь ты – Виссарион, – сказал он кукле прежде чем убрать ее под подушку. Пупс смотрел глупо, выпучив голубые глаза. – Виссарион Степанов. Ты в моей власти. Уколю иголкой в живот – тебя возьмет и поносом скрутит. А в голову уколю – будешь мигренью маяться!

Коля говорил строго, но уже знал, что не станет ни колоть, ни щипать Висечку – не было в нем колдунской черной жилки, добрый он был мальчик.

– Меня зовут Максим, – вдруг отчетливо произнес пупс вуду, но Коля уже совсем спал и подумал, что голос ему снится.

Наутро встал вопрос – как быть с вольтом? Спрятать в комнате было негде так, чтобы мать точно не нашла. В ранец тоже было боязно – залезет кто-нибудь за учебником, позора не оберешься. Поэтому сунул пупса Коля в карман своих коротковатых форменных брюк.

– Ты куда без попрощалки! – Дашка на лестницу выскочила, стояла маленькая, смешная, у Коли аж в сердце что-то заболело. Он ее чмокнул в щеку, покружил по площадке, она ему волосы взъерошила.

– У тебя хороший будет день, вот увидишь, – сказала она.

Много понимала, малявка шестилетняя. Ничто не предвещало.

– К доске, – сказал Вист, поморщившись, будто Колино имя у него кислило во рту. – Вот пример задачи, которые вам, балбесам, – он повернулся к классу, – предстоит завтра решать на контрольной. Извольте прочитать вслух, Желтяков.

Коля сжимал в кармане магического пупса, душил его за шею, а Виссарион Иванович даже не закашлялся.

– Каждый из портных может сшить костюм за 15 часов, – монотонно читал Коля. – Через три часа после того, как первый начал пошив, к нему присоединился второй портной, и работу они довели до конца уже вместе. Сколько часов потребовалось на пошив всего заказа?

– Так-так, интересная задачка. Давненько я не брал в руки шашек... – сказал пупс из кармана, громко и отчетливо. Коля уронил мел и подпрыгнул, ударившись спиной о доску. Обвел класс безумными глазами. Все сидели спокойно, будто ничего не слышали, но головы подняли посмотреть, как он у доски скачет.

– Вас что, Желтяков, блохи кусают? – удивился учитель. Он тоже не слышал, как говорила кукла вуду. – Почесаться всласть и попрыгать сможете на перемене. А сейчас расскажите нам, как вам видится решение данной простой задачи.

– Портной за час пошивает одну пятнадцатую часть костюма, правильно? – сказал пупс громко, но слышно только для одного Коли. – Значит за три часа, пока он работал один...

Коля так удивился, что у него даже паника прошла.

– За первые три часа портной успел пошить три пятнадцатых, или одну пятую заказа, – сказал он и написал на доске дробь. Вист поднял голову от журнала и смотрел с чуть удивленным интересом. – То есть осталось четыре пятых... Так... Значит...

– Производительность, – подсказал пупс. Он, кажется, был доволен Колей.

– Производительность, – сказал Коля, думая напряженно. – Если они вместе работают, то делают две пятнадцатых в час. То есть если мы разделим четыре пятых... на две пятнадцатых...

Мел стучал по доске. Портные кивали, склонившись над расчерченным меловыми линиями раскроем, иголки в их проворных руках так и сновали. Сенечка улыбнулся Коле со второй

парты и показал большой палец. Вист смотрел на Колю со странным удовлетворением, словно вызвал его не для того, чтобы унижить, а и вправду хотел, чтобы он решил задачу.

– Девять! – сказал Коля победно. – Девять часов!

– Садитесь, Желтяков, – сказал Вист. Помолчал и добавил, словно нехотя. – Хорошо.

Весь остаток дня Коля пытался уединиться, чтобы хорошенько поговорить со пупсом Висечкой. Но никак не удавалось, а кукла молчала в его кармане, будто и не волшебная была.

Уже на выходе со двора, после уроков, Коля увидел группу шестиклассников – четверо, крупные все бугаи. Двое из них были сыновьями рабочих с Путиловского, остальных Коля не знал. Что-то будто толкнуло его, он подошел поближе и увидел, что перед мальчишками стоит Сенечка Генинг, надувшись, как котенок перед барбосами. Плечи подняты, грудь вперед, руки в кулаки сжаты.

– Ну что, гномик, озолотишь нас? – сказал один, по виду – зачинщик безобразия. – Мы тебя поймали.

– Он не гном, он лепреккон, – усмехнулся второй. – Но денежки мы с него стрясем, как ни называй.

Сеня поднял сжатые кулаки к груди.

– Оставьте меня в покое, – сказал он отчаянно. – Денег я вам не дам.

Коля вздохнул тяжело, поставил ранец у стены, фуражку снял, чтобы сильнее не поломалась. Пупса тиснул в кармане.

– Выручай, Висечка, – прошептал. Тут сзади – не было печали – Мишка Некрасов подошел. Коля только на него огрызнуться собрался, а он тоже ранец к стене поставил и рядом встал.

– А скажут – скажут! – что нас было трое, – усмехнулся он и поправил воображаемую шпагу.

– Ага, защитники? – протянул главный хулиган, когда пятиклассники встали против них плечо к плечу. – Вы считать умеете? Нас четверо, а вас – двое и гном.

Сенечка взвизгнул, прыгнул на него и вцепился в нос, засунув пальцы прямо в широкие ноздри.

– В покое меня оставьте! – крикнул он и дернул пальцы на себя. Хулиган заорал.

Коля только приготовился броситься на ближнего к нему врага, на голову выше, как из-за угла выбежал сторож гимназии Сильвестр, как две капли воды походивший на бюст Гомера в кабинете литературы, но распространявший обычно совсем не эллинские ароматы селедки, лука и перегара.

– А ну ишь! – рывкнул он. – Вздумали тут! Ну-ка вон! А то я вам!

Разбежались быстро, кто куда.

Домой мальчишки шли втроем, пока по пути было. Генинг все молчал, носом шмыгал, руки тер о шинель.

– Здорово ты его, – осторожно сказал Коля.

– И вправду три мушкетера, – рассмеялся Мишка. – Молодец, Сеня. Будешь у нас... ну, Портос.

– Мне Атос больше нравится, – вздохнул Сеня.

– Нет, Атос чур – я! – Мишка ударил себя в грудь.

С тех пор они все время вместе домой ходили.

И с математикой у Коли стало хорошо налаживаться – и Сенечка помогал, и пупс вуду.

– Что за имя – Висечка? – спросил как-то пупс. – Почему меня так зовешь?

– Ну, Виссарион же, – ответил Сеня. А когда пупс долго молчал, спросил, – А что, имя тебе не нравится?

– Имя... наверное, как имя, – сказал пупс. – Но уж очень от него отчество производится... памятное.

Пупс вообще много всего непонятного говорил. И произносил слова странно, вроде и чисто по-русски, а не так, гласные глотал, где не надо, согласными то пришепетывал, то щелкал. А голос у него был глубокий, спокойный, немного усталый только.

Говорил он не все время, а только когда Коля его в руках держал и сильно сжимал, чувствуя сквозь слои ваты жесткие грани своей волшебной пирамидки. Слышал пупс очень хорошо, даже шепот, а отвечал громко, но только для самого Коли. Когда он Мишку попросил уху к пупсу приложить, тот вроде бы что-то услышал, но не слова, а треск непонятный.

Коля пупсу много всего рассказывал – про папу с мамой, про гимназию, про Дашку, про бабушку, про книжки. Пупс был очень умный и понимающий, никогда над Колей не смеялся, а всегда отвечал хорошее и умное.

– Нельзя детей бить, – например, говорил он Коле, когда тот ворчал, потирая седалище после отцовской порки. За драку, эх, те шестиклассники подстерегли их – таки в конце апреля, фуражку окончательно скособочили и тужурку порвали. – Вообще нельзя бить того, кто тебе ответить не может. Хотя это, конечно, доставляет удовольствие на каком-то низком уровне, но его стоит в себе давить, и чем раньше в жизни, тем лучше.

Когда у Коли был грипп, и он лежал в постели, чуть не плача от слабости и одиночества, потому что маме доктор строго-настрого наказал к нему не заходить – беременным опасно – пупс рассказывал ему сказки, истории интересные, стихи читал. Жалко только, что все их выжгло из памяти страшным болезненным жаром, через неделю Коля ничего вспомнить не смог, только что-то про огненную гору, кольцо и черного властелина, а еще строчка в голове засела про «свеча горела на столе, свеча горела».

Задач пупс за него не решал, но подсказывал, как именно думать, чтобы понятно стало, и слова и числа разложились в голове на формулы и дроби. А разобравшись, Коля внезапно так математику полюбил, что до конца мая весь задачник прошел, вечерами сам для себя задачи решал, как семечки их щелкал.

Было у него чувство, будто он всю жизнь сиднем сидел, а теперь вдруг бегать научился – и его ум мчался с холма, радостно разбивая ветер, и трава ложилась под ноги, и дроби не громоздились больше унылыми закорючками, а описывали мир не хуже слов.

Вист качал головой и с каждой неделей все меньше к Коле придирался, к доске вызывал уважительно, а не как щенка, чтобы тыкать носом в лужу в прихожей.

Экзамен Коля сдал на «блестяще».

– Желтяков, – Виссарион Иванович его позвал в коридоре, когда Коля, в купленном наконец родителями парадном мундире из синего сукна, с серебряными галунами по воротнику, уже спешил на улицу, в июньскую петербургскую морось, в каникулы и свободу на целых два месяца.

Коля остановился, подошел к учителю. Тот смотрел исподлобья, чуть смущенно.

– Вы отлично справились, – сказал Вист. – Не ожидал от вас. Так держать, Желтяков.

И сунул ему небольшой пакет, завернутый в коричневую бумагу.

– Вам на лето пригодится, – сказал он. – Хороших каникул. Увидимся в августе.

Повернулся и пошел по гулкому коридору, отражаясь в натертом мастикой до блеска паркете – высокий, чуть сутулый, с намечающейся лысиной, на которую были зачесаны полуседые волнистые волосы.

Коля открыл пакет – там был задачник, тот самый, с которым Вист не расставался, из которого Коля в свое время украл страницу для черной магии.

«Задачи повышенной сложности».

Коля слотнул и сжал в кармане мундира своего волшебного пупса.

– Я плохой человек, да? – спросил он.

– Нет, Коля, ты очень хороший мальчик, – ответил пупс, но голос у него был какой-то надтреснутый, больной, и Коля ему не очень поверил.

– Брат или сестра вам родится в августе, – сказал папа, усадив Колю с Дашей за стол. – Маме нездоровится, поэтому в этом году вы оба поедете к бабушке на все лето. Коля, ты можешь с собой кого-нибудь из класса пригласить, если у них нет других планов – Мишу или Сенью, чтобы не скучно вам было. Дарья, а ты должна пообещать бабушку слушать все время.

Дашка пицала от восторга и обещала слушаться, и суп есть весь, даже гуцу, и бабушке помогать по дому всячески, например пыль вытирать.

Коля долго мучился, кого же позвать из друзей, но решилось все само собой – Сенечка сказал, что его родители в Вену увозят, вроде бы там профессор нашелся, который болезни роста лечит.

Они сидели втроем на бортике большой купальни против памятника Петру, день был жаркий, а Генинг, бледный от волнения, им мокрым пальцем на досках рисовал мозг в разрезе, и где может корениться проблема. Проведет доктор процедуру – и станет Сеня как все, догонит ростом Колю с Мишкой. Потом перегонит. И будет его ждать нормальное будущее, взрослое, а не вечная ловушка subtilного детского тела. И мамка будет причитать, что брюк и ботинок не напасешься.

– Не будет, – сказал Коля.

– Конечно, не будет, – признал Сенечка. – Это я так, для красного словца.

Купальня была большим плотом на Неве с кабинками по периметру и огромным решетчатым ящиком в вырезанной середине. Сеня с Колей в нем плавали, а Мишка считался хорошим пловцом, его выпускали через маленькую дверь наружу, он бросался в воду, оплывал купальню широким кругом, возвращался, потягивался.

– Хороша водичка! – важно говорил он.

Родители его были заняты в столице, очень обрадовались, что Мишку можно отправить в деревню на лето. Он с собой в новом чемодане вез настольную игру «Синопское сражение», пuzель на сто кусочков с Медным всадником и грампластинку в подарок Колиной бабушке.

– Что вы головы повесили, соколики, что-то ход теперь ваш стал уж не быстрехоне-е-ек, – мальчишки на весь вагон распевали популярную песню, а Дашка танцевала, а когда поезд притормаживал, падала то на Колю, то на папу и хохотала.

– Слушай, – спросил пупс из кармана, когда Коля ждал очереди в уборную, глядя в окно, за которым леса и холмы уже сменялись бесконечными царицынскими степями. – Коля... а какой сейчас год?

Коля не очень удивился, пупс часто спрашивал странное.

– Одна тысяча девятьсот десятый от рождества Христова, – сказал он.

Пупс надолго замолчал.

Лето было очень хорошее, жаркое. Дети отъедались клубникой, малиной, огурцами – бабушка слыла передовой огородницей, выписывала из Саратова новейшие удобрения. В конце июля помидоры пошли – огромные, сладкие, назывались «бычье сердце». Жара стояла такая, что все косточки плавились, расплывались в прогретой, забывшей сумрачную петербургскую промозглость плоти горячим воском. Бабушка и ее кавалер, Степан Антонович, сидели на веранде, обмахивались бумажными китайскими веерами, пили пиво со льдом.

Вечерами, когда жара чуть спадала, Степан Антонович водил мальчишек рыбачить, учил удить, подсекать, костер разводить. Темнело поздно, звездное небо над степью казалось огромным, больше, чем в городе. Бабушка доставала из футляра телескоп, они смотрели с веранды на лунные моря и долины, на полосы на Марсе, на почти живое, влажное мерцание звезд.

Дашка не выдерживала, засыпала в кресле в обнимку с медведем Иннокентием. Бабушка ее потом уносила в кровать, укладывала, пела колыбельную.

Коля с Мишей на чердаке тоже слушали, а потом долго шепотом болтали про все-все – про японскую кампанию, про волшебство у разных народов, про будущий год в гимназии, про Шерлока Холмса и капитана Немо. Потом засыпали крепким мальчишеским сном, не слыша, как шурудят в потолочных балках наглые мыши, как идет за ними черный бабушкин кот.

Да и кот ли – или само их детство неслышно кралось на мягких лапах, останавливалось посмотреть в спящие лица, чуть коснуться сомкнутых ресниц, выйти по трубе на крышу и шуриться там сквозь темноту космоса на далекие загадочные звезды?

В тот день Коля чудом не забыл пупса своего на чердаке. Уже на речку убежали – и Дашка с ними увязалась. Коля подумал-подумал, но все же вскарабкался по скрипучей лестнице, выхватил Висечку из-под своей подушки со смешной детской наволочкой в зайчиках, сунул под ремень.

– Глаз не спускать с Даши! – крикнула бабушка с веранды. – Дарья, а ты в воду не смей лезть! Не зная броду – дальше что?

– Знаю я броду, знаю, – бормотала Дашка. – И пословицы все знаю. Сами с усами. Коль, а на закорках прокатишь?

На пляже не было никого, дети собрали сухой травы, запалили костерок в тени небольшого вяза, без удовольствия выживавшего здесь, на скудном волжском песке. Пожарили на палочках колбасок, которые бабушка с собой дала, помидорок, кривой кабачок, цапнутый с краю огорода.

– Вкуснота! – сказала Дашка, вытирая рот об медведя. Уселась в теньке, велела Коле себя развлекать, читая по памяти «Конька-горбунка» – он хорошо стихи запоминал. Мишка поплавать пошел, а Коля лег рядом с малявкой на песок.

– За горами, за лесами, за широкими морями, не на небе – на земле, – начал он и широко зевнул. – Жил... старик в одном... селе...

Проснулся он от нереального, оглушительного ужаса. Вскочил с бьющимся сердцем, не зная, где он и что ему послышалось сквозь сон такое страшное. Огляделся безумными глазами. Мишка еще не вернулся – наверное на тот берег заплыл да валяется, там песок лучше. Под деревом было аккуратно сложено Дашкино платье, а сверху сидел медведь Иннокентий, смотрел стеклянными глазами, черными и тусклыми, как бездна, в которую ухнуло Колино сердце.

– Дашка! – Коля заорал, побежал к воде, увидел, как что-то мелькнуло под поверхностью в паре саженей от берега. – Дашка в воде!

– Не стой столбом, прыгай же, Коля! – крикнул пупс, прижатый его поясом. – Гребь быстрее!

Коля увидел, как с другого берега в воду сиганул Мишка, перепуганный его криком – и сам прыгнул с берега уточкой, сразу ушел на глубину, мучительно пуча глаза, сжимая и разжимая веки, чтобы видеть получше. Вынырнул, когда воздух закончился – дыхание вырвалось с рыданием, спину сводило от страха.

– Не паникуй, – сказал пупс громко и твердо. – Ныряй. Чувствуй течение и туда гребь. Пузыри ищи глазами – их солнце подсветит, видно будет.

Коля увидел, увидел пузыри, не стал за воздухом подниматься, хоть уже грудь теснило, поплыл вниз, в темноту, сквозь холодную струю течения к самому сомовьему омуту. Ничего не видно было, но он, молясь, зашарил руками по дну.

«Боже, – думал он, – боже, боже, боже!»

И было в этих словах огромное, испепеляющее обещание – всего себя он бы сжег, по кусочку сам разрезал и скормил всемогущему, все свое будущее счастье, жизнь, все чаяния свои отдал бы, не раздумывая, скопом, прямо сейчас – за одну только возможность надежды.

И когда он почувствовал под рукой шелковые, плывущие в воде волосы, то взорвался одним огромным «спасибо», ухватил, потянул, намотал их на запястье быстрым движением и из последних сил рванулся наверх, к свету. Не выплыл бы, если б не Мишка – в глазах потемнело, грудь огнем жечь начало, когда тот его ухватил и к берегу потянул. Вдвоем Дашку вытащили – маленькую, обмякшую, мертвую.

Мишка за волосы свои схватился, стал их тянуть, будто вырвать хотел.

– Она мертвая, мертвая, не дышит! – закричал Коля в отчаянии.

– Глубоко вдохни и выдохни, – сказал пупс. – Соберись. Дай себе по морде, что ли. Быстро!

Коля ударил себя по щеке так сильно, что язык закровил о зубы. Сглонул соленое.

– Переверни ее, – скомандовал пупс. – Представь, что это – чужая девочка, которую надо спасти. Так, два пальца в рот, нажми на корень языка ей. Еще раз. Пошла вода?

– Нннет, – промычал Коля, чувствуя, как стучат зубы.

– Быстро ее на спину. Мишку за помощью. Голову ей запрокинь. Рот открой. Нос зажми и два вдоха ей в рот, губы к губам. Сильно воздух вдувай. А теперь руки на грудину, нависни над нею на прямых руках и качай тридцать раз. Всем весом, Коля. Два вдоха...

Коля зажимал Дашкин нос-пуговку, вдувал ей в грудь воздух и пытался закачать его в кровь быстрыми движениями. Малая, слабая часть его орала и билась о стекло в панике и ужасе оттого, что губы у нее были совсем ледяными и синими, что глаза закатились, только чуть белков виднелось, что ничего не менялось, жизнь не возвращалась. Но этого себя он запер крепко, заставил не слышать, а слушал только счет в голове, будто превратился в другое существо, неподвластное отчаянию, устремленное к одной только цели и неспособное от нее отвлекаться.

«Боже, – говорил он мысленно, отсчитывая тридцать качков над маленьким телом, – божебожебоже...»

Через пять кругов, на «боже» номер двадцать четыре, Дашка всхрипнула и изо рта у нее полилась вода.

– Вода! – взвизгнул Коля, чуть-чуть отмирая, – Живая!

– Быстро переверни ее! – сказал пупс. – На бок. Дышит? Дашка вроде дышала – с хрипом, с клекотом, но дышала.

– Укутай во что-нибудь и неси, – скомандовал пупс. – А мне что-то... Коля... Неси ее к врачу, все объясни. До трех суток потом возможно вторичное... Ох...

– Висечка? – спрашивал Коля, оборачивая Дашу своей рубашкой. – Висечка, или как там тебя по-настоящему... Ты чего?

Но пупс замолк, а Дашка прохрипела, чтобы ей дали в руки Иннокентия, и потом Коле было совсем ни до чего больше, когда он бежал по палящей жару вверх по склону с полуживой шестилеткой на руках, ноги скользили на горячем песке, а он все старался ее не тряхнуть, не потревожить.

И так он бежал, как стальной, со скоростью шесть миль в час, равномерно, а из деревни навстречу ему со скоростью пять миль в час бежала толпа народу – Мишка Некрасов, и бабушка, и врач, и соседи, и рыбаки, и почтальон – и найдите точку дороги, в которой они встретятся, и боже мой, когда же этот бесконечный день кончится, нет, не хочу есть, спасибо, баб, и Мишка тоже молодец, ну прости, прости, не усмотрел, мия кульпа, давай сам пойду утоплюсь, нет не плачу, не маленький, Дашунь, ну ты как тут, сильно больно, серьезно? эх, ну ладно, слушай – Горбунок-конек проснулся, встал на лапки, отряхнулся, на Иванушку взглянул...

Нет, не плачу я...

Бабушка сидела за столом на веранде, лампу не зажигала. Коля подошел поближе и увидел, что она курит папиросу, и огонек дрожит.

– Баб... – начал он.

Она ухватила его за руку, притянула к себе, расцеловала в обе щеки, обдавая сладковатым табачным дымом.

– Телеграмму принесли, пока ты с Дашей сидел, – сказала она. – Две сестренки у тебя со вчерашнего дня. Даша и Катюша. Танечка поправляется, скучает за вами, привет передает. Тринадцатого обратно поедem, двадцатого уже учебный год начинается. Я с вами поживу пару месяцев, тут Степа за домом присмотрит.

Коля опять разревелся, будто ему три года было, а не тринадцать.

– Поешь иди, – сказала бабушка, откидываясь в плетеном кресле и глядя в темноту сада. – Мишка там на кухне уже оладьи жмет.

С Мишкой они решили быть друзьями навсегда, и завтра побрататься, порезав руки и смешав кровь – на ночь не хотелось возиться.

– Тебе, Коля, надо быть врачом, – сказал пупс, когда Коля уже засыпал, привычно сжимая его под подушкой. – Побеждать смерть, забирать у нее намеченное – лучше нет в мире власти.

И были эти слова как свет, осветивший Колины мечты и устремления. Засыпал он еще обычным мальчишкой, а проснулся – будущим врачом, победителем над смертью.

Доехали обратно весело, играли в «Сражение», Мишка Колю все время заставлял за Турцию играть, а сам, хитрец, за Россию кубики бросал. Дашка еще была бледновата, а уже хотела бегать и беситься. Но Коля ей с важным видом пульс щупал и язык показывать заставлял.

– Нет, – говорил, – лежи пока, Дарья Вячеславовна, тебе еще отдых предписан.

Она вздыхала и покорно ложилась, а он ей покрывало поправлял и насмотреться на нее не мог.

Пупс вот только все время молчал.

На вокзале встречали их папа с мамой с запеленутой колбасой младенца на руках, и Мишкины родители, а лица у них были радостные, но и тревожные. Мама сразу к Дашке бросилась, на колени упала, целовала ее со слезами, потом Колю, потом Мишку. Все переобнимались, но по лицам было видно – не все еще сказано.

– Пойдемте... – Мишкин папа откашлялся. – Пойдемте-ка в сквер через дорогу, присядем.

– Таня, вы езжайте с девочками, – велел папа. – Извозчика возьмите, а мы потом на конке.

Мишка с Колей сидели на скамейке и, волнуясь, друг на друга поглядывали. Что за напасть?

– На прошлой неделе, – начал папа, – у Казанского было покушение анархистов на обер-полицмейстера, фон Гредера... Праздник был кондитерский там же... Конфеты раздавали...

Папа потемнел лицом и замолчал.

– Бомбу кинули, но она не сразу взорвалась, – монотонно сказал Мишин отец. – Полицмейстер успел за колонну кинуться. А народу много пострадало – шестьдесят человек ранило, пятерых убило.

Он потер виски.

– Ребята, среди них был ваш товарищ Сеня Генинг и ваш преподаватель математики, Степанов. Его друг пригласил на гуляние... Газеты писали – он Сеню и другого мальчишку собою закрыл. Сразу погиб, на месте. Сеня вчера в больнице умер. А второй мальчик поправляется. Вот так.

Коля долго сидел в своей комнате, сжимая в руках пупса Висечку. Если пупс вуду был вольтом Степанова, то со смертью Виссариона Ивановича и магия ушла? Следовало ли похо-

ронить вольты? На следующей неделе Сеню будут хоронить. Так он и не вырос, даже если профессор в Вене ему в мозгах все поправил...

Коля разревелся прямо в пупса, прижимая к лицу потрепанное, грязное сатиновое тело, чувствуя внутри клочья бумаги и острые грани пирамидки.

– Не хочу, чтобы так было, – плакал он. – Не хочу такой мир, не хочу!

– А давай-ка его попробуем поправить? – вдруг предложил пупс и невесело рассмеялся. – Что случилось, то уже случилось, Коля. Но мы можем попытаться изменить то, что будет. Я не историк, но кое-что читал и в сети искал в последнее время. Первым делом, думаю, надо попытаться войны не допустить. Твой отец на почте с письмами работает? Ты по-немецки пишешь? А почерк у тебя хороший? Не боишься? Записывай с моих слов, потом набело перепишешь, у отца на работе проштампуеть так, чтобы они через проверяющих охранки не проходили... Черновики сожги сразу, как отправишь. Готов? Ну, пиши...

«Любезный государь Василий Николаевич. Вы вряд ли поверите мне сейчас – но довольно будет и возможности, что вы это письмо запомните или сохраните, и когда через четыре года начнут разворачиваться следующие события, вы поступите...»

Коля писал до полуночи, пока глаза не стали закрываться. Когда мама зашла и лампу забрала – достал свечку и спички, припрятанные за шкафом. Писал по-русски, писал по-английски и немецки, трети слов не понимая.

– Я отправлю все письма, – пообещал он пупсу, уже лежа в кровати и сжимая его в руке.

Не знал, что пупс с ним больше не заговорит никогда, останется молчаливым свидетелем последнего года его детства, а через пять лет Висечку и вовсе утащит из его комнаты сестричка Катюша, назовет Жоржем и назначит наездником плюшевого медведя Иннокентия. Потом подарит подружке во дворе. А самому Коле станет не до того – он сдаст экзамены в Императорскую медикохирургическую академию, будет заказывать форменную шинель, волноваться об учебе, вздыхать по хорошенькой племяннице Мишки Некрасова, с которой познакомится на выпускном балу гимназии...

– Очень плохое будущее в этих письмах, – зевая, говорил Коля пупсу вуду. – Ужас просто. А если никто не поверит письмам, ничего не поменяется, так и будет? Мне придется все это прожить?

– Да, – сказал пупс тихо. – Придется прожить, уж как получится, Коленька. Оставаясь собой, таким, каким ты хочешь быть и можешь гордиться. Вот я тебе почитаю свое любимое, а ты спи, спи, дорогой мой мальчик...

...и хрипло кричат им птицы, что мир останется прежним, да, останется прежним, ослепительно снежным и сомнительно нежным, мир останется лживым, мир останется вечным, может быть, постижимым, но все-таки бесконечным...

Максим Ильич откинулся на подушки, сжимая в руке маленькую синюю пирамидку.

В коробке, что Галя тогда принесла, было много хлама, он его перетряхивал и умилялся. Многих вещей он не помнил – откуда эта ржавая машинка? Автобусный билет? Треснутый мумифицированный каштан?

Другие предметы били его током, память вспыхивала картинкой, запахом, чувством – и он снова заворачивал стерку в бумажку от конфеты «Тузик», чтобы надурить Витальку Сидорова и хихикал в кулак, представляя его разочарованное лицо. Опять стоял на пляже Артека, выиграв областную математическую олимпиаду, подбирал гладкий красный камушек, чтобы кинуть в море, но, передумав, прятал в карман, а перед отъездом в Ленинград, поступать в медицинскую академию – клал в эту самую коробку.

Максим перебирал высохшими костлявыми руками свое детство – клеенчатую бирку из роддома, где ручкой было написано, что Смирнов Максим Ильич родился 16 сентября 1951

года, октябрятскую звездочку, крохотную пенопластовую Снегурочку, самолетик, два билета в кино на «Гиперболоид инженера Гарина» – он еще приглашал эту... как ее... зеленые глаза, светлые косы, родинка на шее. Трофейный термометр с рейховским орлом – дед вернулся живым-здоровым. Странного выцветшего пупса, древнего и облезлого – Максим нашел его на чердаке в Вышнем Волочке, когда прабабушка Рита умерла, деревянный дом собрались сносить, а он, десятилетний, искал в завалаххлама старинные сокровища.

Максим поднял пупса и почувствовал в его тканевом теле что-то твердое, правильной формы, с жесткими гранями.

– Галя, – позвал он, но голос сорвался, – Галя!

Дочка не услышала, тогда он сам поднялся, толкая перед собой капельницу и держась за нее, дошел до комода, взял ножницы. Подпорол боковой шов. Пупс смотрел в пространство и улыбался. Максим пошарил в кукле, достал пожелтевшие полоски бумаги – старые, с ятями и твердыми знаками. А потом выпала маленькая синяя пирамидка, вроде бы из стекла, с едва заметными значками на гранях. Легла в ладонь и засветилась в полумраке вечерней комнаты, где занавески уже пару месяцев не открывались – после операции головные боли чуть отступили, но свет глаза резал.

Из пирамидки послышался четкий мальчишеский голос.

– Ты в моей власти, – сказал он. – Уколю иголкой в живот – тебя возьмет и поносом скрутит. А в голову уколю – будешь мигренью маяться!

Максим маялся мигренью уже три года, так ему опухоль и продиагностировали.

– Меня зовут Максим, – осторожно сказал он в пирамидку, как в микрофон.

Но тут она погасла, а в комнату вошла Галя.

– Ой, пап, ну ты чего вскочил? – вскинулась она. – Как голова? Ты голодный? Я сейчас поеду Марину и Петю забирать из музыкальной школы, могу салатиков купить. Хочешь?

Максим отказался от еды, попросил подать ему ноутбук – с капельницей самому было неудобно. Галя обложила его подушками, поцеловала, побежала вниз.

– Хотя вообще-то хочу салатик, – передумал Максим ей вслед. – С кальмарами.

Галя рассмеялась, дверь хлопнула, во дворе зафырчала машина.

Максим держал на ладони пирамидку и искал символы с ее граней в интернете. Не нашел.

Так он познакомился с Колей и очень его полюбил – как любил того мальчика, которым был когда-то сам, которого хотелось уберечь и спасти от грядущих испытаний и сердечной боли, понимая в то же время, что без них он не станет тем человеком, которым должен.

– Пап, ну мы волнуемся, – говорила Галя. – Ты сам с собой все время разговариваешь. Тебе одиноко? С нами невесело?

Максим гладил ее по голове и улыбался – потому что видел сквозь ее нынешнее, тридцатилетнее лицо все ее лица, и то первое, толстошее, с заплывшим веком и пятном зеленки, когда ее вынесли ему из роддома.

– Мне весело, Галя, – говорил он. – Позови Петю с Маришкой, я им «Конька-горбунка» почитаю.

Он сжимал в руке синюю пирамидку и читал стихи сразу всем – и своим внукам, и мальчику Коле.

– Пап... – говорила Галя. – Ну а вот ты разговариваешь... Доктор говорил – возможны галлюцинации...

– Доча, отстань, – отмахивался Максим. – Я умираю, дай мне спокойно погаллюцинировать. Беспокоишься обо мне? Хочешь скрасить?

– Ага, – всхлипывала Галя.

– Тогда иди мне блинчиков напеки. У тебя же еще куча времени до совещания по скайпу? Галя ворчала и шла печь блины.

Закончив диктовать, Максим поднял к глазам руку с пирамидкой. Она все еще чуть-чуть светилась, ярче на значках, которые ему идентифицировать так и не удалось.

Страшная мысль вдруг пронзила Максима – а что, если, отправив письма, Коля действительно изменит будущее? Ведь если хотя бы два адресата из десятка поверят...

Франц Фердинанд не поедет в Сараево, полиция арестует членов «Молодой Боснии», Россия не объявит мобилизацию, Ленина не освободят из тюрьмы в Поронине... Не погибнут миллионы, не восстанет из горького жирного пепла Первой мировой Гитлер и не начнет Вторую... Революция в России случится по-другому, или не случится вообще...

Все будет иначе – а в этой новой, другой реальности родится ли в медобъединении завода «Свободный сокол» он, Смирнов Максим Ильич, встретит ли в Ленинграде Людочку, будут ли у них Галя и Андрей?

Максим был плохим историком, плохим предсказателем. Но знал наверняка, крепче любой веры – будут!

Голову проткнула раскаленная спица, в глазах потемнело, пирамидка упала из руки.

– Галя, – позвал он из последних сил, – Галочка!

Умирая, ждал – прозвучат ли в коридоре шаги, откроется ли дверь, успеет ли он посмотреть в последний раз на ее лицо, убедиться, что после него останутся те, кого он любил?

Тимур Максютлов

Осколок синевы

– Битков! Сергей!

Визгливый голос воспидрылы носится над участком дурной вороной, бьется об игрушечные фанерные домики, путается в мокрых кустах.

– Куда опять этот урод запропастился, а? Найду – уши пообдираю. Битко-о-ов!

Сережка сидит в любимом углу, скрытый от воспитательницы ободранной сиренью. Обхватив красными от холода ладошками колени, отчаянно шмыгает носом – веснушки так и подпрыгивают, словно мошки, стремящиеся улететь в низкое осеннее небо.

– Нет, ну надо же. Ведь два раза группу пересчитала, все были на месте – девятнадцать голов. А как на обед сажать – нету Биткова. Вот скотина малолетняя. Битков!

– Вера, ты в группе-то смотрела? Под кроватями в спальне?

– Да везде я смотрела. Вон, колготки порвала, пока лазила-то на карачках. Ну, сука, он мне ответит за колготки.

– А в шкафчиках? В раздевалке? В прошлый раз он там.

– Точно! Вот, зараза.

Воспидрыла, пыхтя прокуренно, убегает. Заскрипела дверная пружина, грохнула.

– Не пойду, – бормочет Сережка, – суп ваш есть, а Петька плеваться опять. И тихий час этот.

Битков рыжий, поэтому дразнят. И не хотят водиться. Он давно привык молчать с одноклассниками, а разговаривает обычно сам с собой.

Сыро, неуютно; облака ползут грязно-серыми бегемотами, давят брюхом.

Сережка начал смотреть на улицу, сквозь забор из рабицы: там тоже – скукота. Ни пожарной машины, ни завалящего солдата. Только тополя машут тощими руками – будто соседки ругаются, швыряют друг в друга умершими листьями. Какая-то старуха прошаркала галошами, бормоча себе под нос. А на носу – бородавка!

– Баба яга, – прошептал Битков и начал пятиться прочь от ставшего вдруг ненадежным сетчатого забора. Опять сел на корточки, чтобы быть меньше, незаметнее.

И – увидел вдруг.

Вдавленный в грязную землю, между редкой щетиной жухлой травы – неровный треугольник, размером со спичечный коробок.

Пыхтя, выковырял с трудом: кто-то будто вдавил каблуком, хотел разбить – а мягкая земля не дала.

Осколок синего стекла. Настолько синего, что сразу вспоминалось деревенское лето, оранжевый смеющийся шар в зените, запах полыни и нагретых солнцем помидоров. Сухие ласковые руки бабушки Фени, тарелка шанежек, похожих на подсолнухи. И кружка теплого молока, которое от щедрой горсти малины становилось синеваторозовым.

Сережа осторожно поднял осколок и посмотрел сквозь него в небо. В серое, сонное небо, в котором не угадывалось даже пятна от скрытого грязной ватой светила.

И ахнул...

...тополя прекратили вихляться, по команде «смирно» вытянулись ввысь и выбросили тугие белоснежные паруса. Волны едва успевали уворачиваться от стремительного форштевня – отпрыгивали, плюясь пеной и сердито шипя. И до самого горизонта, так далеко, что заломило глаза – синее, синее, безбрежное...

– Вот ты где, подонок!

Стальные пальцы с облупленным маникюром вгрызлись в веснушчатое ухо, закрутили – аж слезы брызнули из глаз. Воспидрыла потащила Сережку в здание – в запахах мочи, хлорки и пригорелой каши, в крашенные мрачно-зеленым стены.

А в кармашке штанов притаился синий осколок – мальчик нащупал его сквозь ткань. Шмыгнул носом и улыбнулся.

* * *

– Ма-а-ам!

– Отстань. Семнадцать, восемнадцать. Отстань, собьюсь – опять перевязывать.

Мама вяжет, и спицы качаются, словно весла резвого ялика. Заглядывает в заграничный журнал со схемой вязки – подруга дала только на один день.

У мамы морщинки возле глаз. Щурится близоруко, но очки не носит, чтобы быть красивой. Когда она смеется – морщинки превращаются в лучики. Сережа так солнце рисовал в раннем детстве: кружок и тонкие штрихи.

А когда плачет, бороздки становятся сетью, ловящей слезы.

Плачет чаще.

– Ну ма-а-ам!

– ... тридцать два. Запомни: тридцать два! Не ребенок, а наказание. Ну, чего тебе надо?

– А вот папа. Он же моряком был, да?

Хмурится. Откладывает вязание, идет на кухню. Мальчик бежит за ней, как хвостик.

– Ведь был?

Мама мнет сигарету. Пальцы ее дрожат, поэтому спички ломаются – и только третья вспыхивает. Битков втягивает воздух веснушчатым носом – этот запах ему очень нравится.

Когда мама злится, она называет Биткова не «сынулькой» и не «Сереженькой». И говорит – будто отрезает по куску.

– Сергей. Почему. Ты. Это. Спрашиваешь?

Мальчик скукоживается, опускает глаза. Шепчет:

– Я же помню. Черное такое пальто, только оно по- другому называется. И якоря. И еще...

– Ты ошибаешься, – резко обрывает мать, – твой отец – не моряк.

– А кто тогда? – совсем уже тихо.

– Твой отец – сволочь! И больше, Сергей, изволь не задавать мне вопросов о нем.

Мама с силой вдавливая окурок и крутит его в пепельнице, убивая алый огонек. Выходит из кухни и автоматически выключает свет.

Сережка сидит в темноте. Гладит синий осколок.

И вспоминает – ярко, будто было час назад: черная шинель («шинель», а не «пальто»!), якорь на шапке, ночное небо погон – золотые звездочки и длинный метеоритный след желтой полоски...

Авоська с мандаринами, елочные иголки на ковре, смеющаяся мама – еще без морщинок у глаз.

И тот непонятный ночной разговор:

– Куда мы поедem, в Заполярье?! В бараке жить?

– Родная, будет квартира. Ну, не сразу.

– Торчать на берегу, психовать за тебя? По полгода! Без работы, без друзей!

Сережка зажмуривается еще крепче.

Хочет увидеть играющую солнечными зайчиками лазурь, но вместо нее – тяжелые свинцовые брызги, оседающие льдом на стальных поручнях, и простуженный крик бакланов...

* * *

– Свистать всех наверх!

Черные грозовые тучи мчатся, словно вражеское войско, грозно стреляя молниями. Рангоут шхуны стонет, едва выдерживая ураган. Лопаются шкоты и хлещут палубу, будто гигантские кнуты. Неубранный стаксель рвется в лохмотья...

Многотонная волна набрасывается злобным хищником, хватая рулевого – и утаскивает за борт... Бешено вращается осиротевший штурвал, растерянно крутится обреченное судно.

Но кто это? Фигура в промокшем насквозь плаще, в высоких ботфортах, бросается и хватается рукоятки рулевого колеса, разворачивая шхуну носом к волне.

– Молодец, юнга! – кричит пятнадцатилетний капитан Дик Сенд, – ты спас всех нас. Тебе всего восемь лет, но в храбрости и умении дашь сто очков вперед даже такому морскому волку, как Негоро!

Юнга отбрасывает капюшон, обнажая благородный профиль, и говорит:

– Мы идем неверным курсом, шкипер! Кок засунул топор под нактоуз, и перед нами Африка, а не Америка.

Паршивец Негоро выхватывает огромный двустольный пистолет и стреляет, но юнга успевает закрыть капитана своим телом.

Дик Сенд склоняется над храбрецом:

– Как зовут тебя, герой?

Юноша смертельно бледнеет и успевает прошептать:

– Серж. Серж Биток...

По накренившейся палубе с грохотом катится пушечное ядро.

– Биток! Ты заснул, что ли? Мячик подай.

Сережка хватается мяч, неуклюже пинает – мимо. Просит:

– Ну, возьмите хоть на ворота. Пожалуйста.

– Иди, иди отсюда. Без сопливых скользко.

* * *

– Рыба!

Егорыч грохочет по дощатому столу так, что остальные костяшки подпрыгивают и сбиваются.

– Везет тебе сегодня, – качают головой игроки.

– Нам, флотским, всегда везет.

У тщедушного Егорыча – штопаная тельняшка, руки в наколках: полустертые якоря, буквы «ТОФ», сиястая русалка.

– Еще партию?

– Не, там же закрытие Олимпиады по телику.

Партнеры встают, идут по своим подъездам. Сергею тоже хочется смотреть закрытие из Москвы, но он остается. Смотрит, как Егорыч тихо матерится, копаясь в сморщенной картонной пачке «Беломора». Наконец, находит невысыпавшуюся папиросину, чиркает самодельной зажигалкой из гильзы, прищуривается от едкого дыма. Фальшиво затягивает:

– Когда усталая подлодка из глубины... кхе-кхе-кхе.

Кашляет так, что ходят ходуном тощие плечи. Подмигивает Биткову, обкусывает картонный мундштук, протягивает беломорину:

– Добьешь, комсомолец?

– Не, – крутит головой Серега, – мне нельзя.

– Ну да, ну да, – хихикает Егорыч, – боксер, понимаю. Какой уже разряд?

– Второй юношеский.

– Ништяк.

Битков деликатно шмыгает. Решается:

– Дядя Егорыч, а океан – это ведь красиво?

– Да нунах. Лучше три года орать «ура», чем пять лет – «полундра». Хотя сейчас два и три служат. Я ж на железе, в подплаве. Чего я там видел? Мазут, отсек да учебные тревоги. Аварийная, – начал загибать прокуренные пальцы с желтыми ногтями, – пожарная, химическая... Уже и не помню толком. «Человек за бортом», во! Для подплава очень актуально, хе-хе-хе. Зато пайка на флоте – это песня. Железная пайка. Сгущенку давали. И кок не жмотился, добавку – всегда пожалуйста.

– Ну как, а небо, волны? Синева.

Егорыч кивает:

– Когда всплываем аккумуляторы подзарядить – да. Разрешают на мостик по двое подняться, покурить. После отсека-то! Воздух – пить можно, такой вкусный. И небо... Да.

Егорыч зажмуривается, его сморщенное загорелое лицо вдруг озаряется щербатой детской улыбкой.

Видит и аквамариновую воду, и такое же небо. Снежно-чистые комки облаков отражаются белыми барашками на гребнях.

Без всякого волшебного осколка – видит.

* * *

– Товарищ подполковник, ну пожалуйста!

– Странный ты какой-то, призывник Битков. Какого хрена тебя во флот потянуло? Опять же, три года служить. А так – два.

Подполковник отдувается, трет несвежим платком багровую лысину. На столе – тарелка с надкусанной домашней котлетой, чай в стакане прикрыт от мух бумажкой. Как такому объяснить?

– Я с раннего детства... Мечта у меня.

– Странная экая мечта, – военком крутит толстой шеей, отстегивает галстук – тот повисает на заколке.

– Городок наш сибирский, тут до любого океана – тысячи верст. Я тебе так скажу, Битков. Спортсмен, школу закончил отлично. Характеристики хорошие. Кстати, а чего не поступил в институт-то?

– Я хотел в военно-морское или торгового флота, во Владивосток. А мама категорически... Болеет она у меня.

– Ну, и чего? Не поехал во Владик, правильно, нахер он нужен. У нас же – и сельскохозяйственный, и политех. О! Педагогический, опять же. Одни девки учатся, был бы там, как султан в гареме.

Военком подмигивает и противно хихикает.

– Я... Я настаиваю, товарищ подполковник.

– Ну ты, сопляк, – повышает голос офицер, – настаивает он. Настаивалка еще не выросла. Пойдешь в ВДВ, в Ферганскую учебку. Про атмосферу Земли слышал? Пятый океан, голубой. Будешь прыгать с парашютом – считай, в синеве купаться, хе-хе.

* * *

Злой воздух хлещет, давит стеной. Десантники прячутся за рубкой катера, кутаясь в бушлаты. Старлей кричит, перебивая ветер:

– И чтобы без самодеятельности! Без пижонства этого вашего, никаких бескозырок. Каски не снимать! Высаживаемся, сразу цепью рассыпаемся. Первая группа прикрывает, вторая – с саперами к доту. Закладываем заряды и уходим. Все понятно, товарищи краснофлотцы?

Сосед Биткову шепчет на ухо:

– Ага, уходим. А если ждут, самураи чертовы? Берлин вон три месяца, как взяли. Обидно так-то. Считай, после войны.

Сергея молчит. Проверяет сумку с дисками, поближе подтаскивает пулемет Дегтярева.

Катер сбрасывает ход до самого малого, чтобы не реветь дизелем – сразу начинает качать так, что ноги задирает выше головы.

– Пошли, – командует старлей шепотом.

Можно подумать, это поможет. Катер – как на ладони. Светило хлещет очередями веселых зайчиков, скачущих по лазури.

Почему все-таки не ночью, тля?!

Кто-то украдкой крестится. Переваливается через борт, ухает в воду – по грудь. Подняв над головой ППШ, идет к берегу, как танцует – один локоть вперед, потом – другой.

Битков расстегивает промокший ремешок, снимает каску, бросает на палубу. Достает из-за пазухи беску, натягивает поглубже, ленточки – в зубы. Зажмурившись, кивает солнцу. Прыгает в зеленую волну.

Бредет к мокрым камням – они сейчас похожи на ленивых тюленей, развалившихся под жарким небом августа.

Когда остается двадцать метров – оживает японский дот. Бьет прямо в лицо ослепительными вспышками.

Сергея, опрокинувшись на спину, тонет – вода смыкается над головой, плещется, рвется в продырявленные легкие.

Нечем дышать.

Битков пытается нащупать в кармане треугольный стеклянный осколок.

* * *

– Харе орать, Биток.

Сергей распахивает глаза. Пытается втянуть раскаленный воздух – и корчится от боли. Розовая пена пузырится на губах.

Над головой – не синее курильское небо и не зеленая тихоокеанская волна.

Над головой – потолок кабульского госпиталя. В желтых потеках и трещинах, напоминающих бронхи на медицинском плакате.

– Осколок! Осколок мой где? – хрипит Битков.

– Во, видали? Хирурга спрашивай. Там из тебя всякого повынимали – и пуль, и осколков.

– Нет, – кашляет Сергей. Сплевывает в полотенце, добавляя бурых пятен, – стеклянный такой. Синий.

– Тьфу, вот чокнутый, а? Его когда в вертолет тащили – тоже все свою стекляшку искал. Кто маму зовет, а Битков – кусок бутылки.

– Где?!

– В манде. В тумбочке твоей, придурок.

Рыча, садится на койке. Ощупывает перебинтованную грудь. Скрипит верхним ящиком тумбочки.

Тошная пачка писем. Картонная коробочка с орденом Красной Звезды. Мыльница. Бурый огрызок яблока. Вот!

Берет осколок синевы. Прижимает к повязке, осторожно ложится на спину.

Улыбается растрескавшимся губами.

* * *

– Ну, все! Кабздец тебе, барыга.

Кожаных – четверо. Мелькают набитые кулаки, белые полосы «адидасов».

Мужик держится секунд десять, потом бритые его заваливают, начинают пинать лежащего – с хеканьем, выдающим удовольствие от процесса.

– А ну, стоять!

Битков ставит на скамейку ободранный чемодан с металлическими наугольниками, бросается в драку.

Первый даже не успевает развернуться – хрюкнув, падает мордой в асфальт. Второй успевает – и совершенно зря. Прямой левой приходится точно в челюсть.

Третий издает мяукающие звуки, начинает махать ногами. Балерун, тля. Кто же ноги выше пояса задирает в реальном-то бою?

Битков ловит каратиста под колено, бьет лбом в харю. Добавляет уже по упавшему.

Последний шипит что-то матерное, выбрасывает тонкий луч ножа. Вот это – зря. За такое не прощают.

Сергеа выбивает нож. Руку ломает вполне осознанно и намеренно.

Помогает мужику подняться.

«Барыга» смотрит на свой пиджак в кровавых пятнах. Качает головой:

– Надо же, суки. Двести баксов платил за шкурку-то.

Подходит к каратисту, пинает узким туфлем. Нагибается и орет:

– Вы, бычары, всем кагалом не стойте, сколько пиджак! Так своему старшему и передай: должен теперь.

Поворачивается. Протягивает Биткову бумажный прямоугольник:

– Будем знакомы. Павел Петрович.

Удивленный Серега крутит картонку, чешет лоб:

– А это чего это?

– Визитная карточка, – хмыкает Павел Петрович, – ты откуда такой взялся? Вписываешься ни с того ни с сего, визитки пугаешься.

– Я-то местный. Просто четыре года за речкой. Сверхсрочную еще.

– А! Афганец, значит? Это хорошо. Пошли. С меня поляна за спасение.

– Да как-то...

– Пошли-пошли. За все платить надо. А про Пашу-Металлурга любой скажет – я долги отдаю.

* * *

Четыре огромные трубы, будто наклоненные назад встречным ветром, нещадно дымят, пачкая ослепительную лазурь. Нож форштевня режет бирюзу, как грубый плуг – английский газон.

По верхней палубе прогуливаются пассажиры первого класса: сияют цилиндры, топорщатся нафабранные усы. Дамы сверкают драгоценностями: один гарнитур стоит столько же, сколько новейший миноносец.

Смех, словно звон серебряных колокольчиков. Улыбка – нить жемчуга в перламутровом обрамлении.

– Вы так милы, Серж. А китель великолепно облегает вашу фигуру. Ах, моряки – моя слабость.

В полутьме – шуршание сползающего шелка. Алебастр кожи. Неземной аромат.

– Это – Флер д' Амур, запах любви. Идите ко мне, мон капитэн.

– Кхм. Пока – только вахтенный начальник.

– Ах, смешной! Разве это важно? Вы же приведете бригантину нашей любви в лагуну истинной страсти, не так ли?

Звон пружин.

Жар скользящих тел, влага и дурман.

Скрип пружин.

Скрежет измученных пружин.

Вздых.

Стон.

Стон и скрежет рвущегося железа.

Бешеный стук вестового в дверь каюты:

– Всех офицеров – на мостик! Катастрофа, мы столкнулись с айсбергом.

Крики наполняют тесные пространства палуб.

– Ах, вы же не бросите меня, Серж?!

Прижимается горячим телом, умолая.

* * *

Битков открыл глаза.

Кто-то уткнулся в плечо, прижался горячим телом.

Сергея скосил взгляд, увидел пышную пергидрольную волну. Отодвинулся осторожно.

Потрогал:

– Эй, девушка! Вы кто? Гражданка...

Блондинка проснулась. Хихикнула:

– Ты че, ты ж не мент вроде. Какая я тебе гражданка?

Перекатилась на спину, потянулась – даже не пытаясь прикрыть роскошные формы.

Битков отвернулся. Начал собирать по полу одежду – вперемишку свою и женскую.

Блондинка мяукнула:

– А ты чего торопишься, милый? Я не против продолжения.

– Можно и продолжить. Только я ни хрена не помню. Где мы? И ты откуда тут?

– Ну как же. У Павла Петровича на даче. А ты меня сам выбрал. И можешь не спешить – еще два часа оплачено.

Битков выпучил глаза:

– Ты что, эта? Э-э-э. Проститутка?

– Фи. Какая проза. Я – ночная бабочка, ну кто же виноват?

В дверь стукнул и сразу вошел Павел Петрович. Рассмеялся:

– Что, уже поете? Так, Серега, пошли вниз, опохмелю и поговорим. А ты, подруга, давай, собирайся. Премия у водителя получишь.

* * *

– Для начала – пятьсот баксов в месяц. Ну, и десять процентов в бизнесе.

Битков крикнул.

– Да, я со своими щедрый. А ты – свой. Ну что, еще «абсолюта»? Простого или черносмо-
родинового?

Сергей прикрыл стопку ладонью.

– погоди, Пал Петрович. Очень заманчиво, конечно. Только я не собирался дома оста-
ваться. Хотел во Владик ехать, поступать в училище Невельского. Переживаю только за экза-
мены, со школы не помню ни фига.

– Тю! И на хрена тебе оно надо? Ты ж четыре года лямку тянул, а там первокурсники в
казармах. И закончишь – кем будешь-то?

– Я на судоводительский. Штурманом буду. Потом – и капитаном, если повезет.

– Вот смотрю я на тебя, Биток, и охреневаю. Точно как блаженный. Пароходов-то не
осталось уже, моряки без работы. Это они при совке были крутые, дефицит возили и инвалют-
ные копейки получали. А сейчас – нищета, кто под флагом не ходит.

– Я не из-за денег. У меня мечта. Я океан мечтаю с детства увидеть.

– Дурак ты, ей-Богу! Да заработаешь денег и поедешь на свой океан. В круиз. С мулат-
ками.

Сергея потрогал неровные края треугольника в кармане. Помотал головой:

– Нет.

– Ну, хорошо. Давай так: годик у меня поработаешь. Квартиру купишь, мать подлечишь.
И на будущий год поступишь. Я там-сям подмажу, связи подниму – проскочишь в свое учи-
лище, как по маслу.

Битков сказал, только чтобы не обижать хорошего дядьку:

– Я подумаю.

– Это как раз хорошо. Никому не возбраняется. Подумать – оно полезно.

* * *

– Итак, «Кореец» вернулся, атакованный японскими миноносцами. Блокада Чемульпо
полная. По старой флотской традиции, господа, первое слово – самому младшему по званию
и годам службы. Сергей Иванович, прошу вас.

Мичман вскочил, волнуясь. Огладил тужурку. Прочистил горло.

– Господа, я подумал...

Командир подождал. Улыбнулся ободряюще:

– Ну что же вы, голубчик? Продолжайте. Подумать иногда даже штафиркам не возбра-
няется, а уж вам и сам Бог велел.

– Всеволод Федорович, надобно принимать бой. Я полагаю, необходимо идти на прорыв,
пытаться уйти в Порт-Артур.

Сел, краснея.

Офицеры поднимались один за другим, говорили о том же.

Командир помолчал. Перекрестился.

– Ну что же, так тому и быть. Офицеров по механической части, прошу сделать все воз-
можное, чтобы обеспечить полный ход хотя бы в девятнадцать узлов. Поговорите с кочегарами,
с машинной командой. От всех господ офицеров и экипажа жду, что исполните свой долг до
конца. Выход назначаю в одиннадцать часов. С Богом.

В ушах еще гремели оркестры английского и французского стационаров, провожавшие крейсер на безнадежную схватку.

Море было спокойным и безмятежным; ластилось к крейсеру, поглаживая борта зелеными лапами. Фок-мачта царапала синеву, словно пытаясь оставить последний автограф.

Мичман приник к визиру. Нащупал хищный силуэт японского флагмана. Прокричал:
– Дистанция сорок пять кабельтовых!

Это было в 11 часов 45 минут.

В 11.48 в верхний мостик угодил восьмидюймовый снаряд с «Асамы».

После боя моряки обнаружили оторванную руку мичмана, сжимающую стеклянный осколок – видимо, от оптической трубы.

Все, что осталось от дальномерного офицера.

* * *

Битков вскрикнул. Разжал ладонь – синий осколок врезался в пальцы. Поднял ко рту, высосал капельку крови.

– Ты когда-нибудь себе пальцы отрежешь, дарлинг.

Жена сидит у итальянского авторского зеркала. Правит ноготки пилкой: «вжик-вжик». Будто крохотные мирные раковины превращает в хищников.

Ручка пилки облеплена стразами.

– Это вообще-то ненормально, дарлинг. В пятьдесят лет спать со стекляшкой в руке.

– Не твое дело.

– Фи. Хамишь, май хани.

Битков морщится. Задолбали англицизмы к месту и нет.

Вжик-вжик.

– Чего ты их трешь? Сточишь же до мяса. Позавчера делала маникюр.

– И сегодня буду, на двенадцать вызвала мастера на дом.

Сергей Иванович смотрит на бутылку из-под двадцатипятилетнего «чиваса». Наклоняет над стаканом. Остатки едва покрывают дно.

Вжик-вжик.

– Прекрати, достала. Будто мясник нож точит.

– А меня достало, что ты бухаешь с самого утра...

– Хлебало завали.

– ... и до поздней ночи. Ходишь потом с опухшей рожей.

– Заткнись, тварь. Своего тренера по фитнесу учи. Если он, конечно, обучаем.

Жена сладко тянется, изгибая спинку:

– О-о-х! И еще как обучаем. Способный мальчик.

– Он тебе в сыновья годится.

– Бред.

– Нет, не бред. Если бы не чистки твои бесконечные... Как раз родила бы в девяностом, и было бы мальчику двадцать пять сейчас.

– Слушай, лучше пей.

Маслянистый виски жжет распухший язык.

– Ты не забыл, дарлинг? Сегодня пати у Васильчиковых.

Битков взрывается:

– Во-первых, у твоих Васильчиковых может быть только пьянка под гармошку по поводу смерти соседской коровы, а никак не «пати». Во-вторых, ты прекрасно помнишь: сегодня мамина годовщина. Я поеду на кладбище.

Вжик-вжик. Точеная ножка качает туфелькой.

Жена никогда не ходит в тапочках. «Фи, это моветон».

Мама ходила в тапочках. Старых, без задников. И с помпоном на левом. А с правого тапка помпон потерялся.

Звякнул «верту».

– Сергей Иванович, это Лёня. Я подъехал, стою внизу.

Чертыхаясь, начал подбирать галстук. Плюнул.

– Ты бы хоть в душ сходил. Воняешь, как козел. Не комильфо, дарлинг.

– А ты не нюхай. На работе помоюсь.

– Да-да. И ведь найдется, кому спинку потереть, не так ли? Дай, угадаю. Сегодня у тебя Света? Или эта, черненькая. Галя, да?

– Обе сразу, – пыхтит Битков, натягивая ботинки. Пузо мешает, а ложка для обуви завадилась куда-то.

– Это вряд ли. Обе сразу не поместятся в кабинке. Света слишком жопаستا.

– Да уж, тебе до Светочки далеко. Одни мослы. Сточилась об тренера, мать.

Вжик-вжик.

* * *

Охранник вытянулся, отдал честь:

– Здравия желаю, Сергей Иванович!

Битков мрачно зыркнул:

– Ты чего, клоун? У нас что, армия тут?

Охранник побагровел. Содрал бейсболку, начал протирать лысину несвежим платком. На столе – тарелка с надкушенной котлетой и стакан с чаем, прикрытый бумажкой. Проблеял:

– Виноват...

– А чего жрем на рабочем месте?

Блеяние перешло в визг:

– Ви-и-иноват. Исправлюсь.

Битков поднялся на пролет. Вспомнил что-то, вернулся:

– Слышь, служивый. Ты подполковником был? В военкомате?

– Никак нет. Я капитаном третьего ранга. Северный флот.

– Да-а? Подплав? Надводник? – живо заинтересовался Битков.

– Я, это. Извините. Замполитом на базе снабжения. В морях не бывал-с.

– Тьфу ты.

* * *

– Сережа, ну чего ты кислый?

– Петрович, договаривались же. Я на Тихий океан на две недели. Без отпуска пятый год. А тут в кои веки – без жены, она с подружками своими малахольными в Париж на неделю высокой моды. Не могу я ехать в Тюмень.

– Тю! На Тихий океан, ага. В Тайланд, что ли? Смотри, там транссексуалов море. Не перепутай, ха-ха-ха!

– Да какие... В Находку. Я же теплоход купил. Старенький, но еще фурычит. Ребята ремонт сделали, фотки прислали. Ты же помнишь, у меня мечта.

– Биток, кончай тут мне. Тьфу, то есть не мне и не кончай. Говорю – надо в Тюмень. Они там совсем оборзели, два лярда уже торчат. А ты разрулишь, ты можешь. Давай, а?

– Ну как ты не понимаешь, Петрович! Мы до Камчатки своим ходом, а там уже все заряжено. Вертолет, инструктор. У меня график по часам расписан. Экипаж со всей Находки собирали. Не могу я!

Павел Петрович шарахнул волосатым кулаком по столу – звякнула печатка с бриллиантом о столешницу.

– Все, на хрен. Пропил совсем мозги уже? Русским языком говорю: «два лярда». Закроем контракт – нормальную яхту себе купишь, у меня приятель продает на Канарах. По божеской цене отдаст. А то будешь позориться на пердящем корыте, белых медведей до икоты доводить. Не обсуждается.

– Мне не надо Канары. Мне надо Тихий океан.

– А мне пох, что тебе надо!!! Будешь делать то, что надо мне. Иди, готовься. Билеты на самолет у Светочки своей сисястой заберешь. Свободен.

– Да. Я свободен.

Грохнул дверью так, что со стены слетел бесценный картон в разноцветных пятнах какого-то французского концептуалиста.

* * *

– Может, все-таки в ресторан, Сергей Иванович? А лучше – домой.

Водитель Леня доставал из пакета бутылки, складывал на сидении. Понюхал пирожки, поморщился:

– Отравитесь еще, Сергей Иванович. А у вас поджелудочная. И печень.

– Простату забыл. И камни в почках. Наливай.

– Водка, вроде, не паленая. Хотя все равно, вы же отвыкли. Может, в центр мотанемся, в «Азбуку»? Виски куплю вам, закусь нормальную...

– Харе трындеть. Наливай, говорю.

Ухнуло горячим комком, желудок растерялся и присел.

– Ы-ы-ть. Забыл уже, чем родной народ живет. Наливай.

– Вы бы хоть пирожком-то...

– Сам их жри. Я кошек не люблю. Ни так, ни в пирожках.

– Скажете, тоже...

Отпустило, вроде.

– Понимаешь, Леня. У меня мечта. Про океан. Я в детстве стекляшку нашел, синюю. Вот эту.

– Да я в курсе. Вы уж в десятый раз рассказываете.

– Заткнись! Наливай. И слушай. Я ведь через нее посмотрю – и вижу... Волны! Небо! Альбатрос – высоко-высоко. И я! То у Колумба – первым землю замечаю. То с Одиссеем гребу. То Магеллан на моих руках умирает, отравленной стрелой в горло ему... Ярко так вижу – ни в каком кино... А в последнее время – хрень. Сломалась штукавина. Все какие-то яхты, шлюхи крашенные, губернатор белую дорожку строит. Рожи – свинские! Ни пиратов, ни марсовых. Капитанов нет – одни холуи. В золотых мундирах, что твой Киркоров, тьфу. Понимаешь ты меня?! Все. Кончилась мечта. Протрахал я мечту. На говно поменял, в купюрах. На стерве этой женился, по расчету. Детей нет, друзей нет. Думал – на теплоходе, две недели, восстановится все – хрен там! ПэПэ меня в Тюмень загоняет. Все, не могу я больше. Наливай. Пошевеливайся давай, тормоз. Чего зеньки вылупил?

– Не надо так, Сергей Иванович. Я не тормоз. И вам не официант.

– А кто ты? Шестерка.

– Да иди ты, алкаш.

– Что-о?! Что ты сказал? Вернись! Вернись, козлина.

Битков вылез из «бентли», сел на поребрик. Глотнул из горла. Вытащил осколок, посмотрел сквозь него – увидел серое небо, неряшливые тополя.

Завыл, задрал лысеющую голову.

Зазвонил телефон. Встревоженный голос Светочки:

– Сергей Иванович, где вы? Из Тюмени звонят – вас в самолете не было. Павел Петрович тут, как Везувий. Извергнется сейчас.

– В манду.

– Что? Я не расслышала.

– Светочка, у тебя есть ручка и бумага?

– Конечно, я же в офисе.

– Записывай. Пункт первый. Павел Петрович. Хотя нет, какой он первый? Исправь на «нулевой». Записала?

– Да-да.

– Пункты остальные. Света жопастая.

– Что? Плохо слышно.

– Конечно. Где же тут расслышишь, когда жопа уши затыкает. Дальше. Галочка-брюнетка. Этот, как его. Глозман, начфин. Ой, как же я забыл! Ольга Сергеевна из мэрии. И все остальные. Записала?

- Да, только последний пункт не поняла.
- Чего ты не поняла, дура? Вообще все-все-все. Как в книжке про Винни-Пуха. Ну?
- Про Винни-Пуха. Записала да.

– Стой! Вычеркни медведя, он тут точно ни при чем. Вот. А всех остальных обведи кружком. Стрелочку нарисуй. И напиши: В МАНДУ!

– Куда?

– Туда, гля. Откуда мы все взялись – вот туда.

Нажал отбой. Хотел разбить «верту» – не успел. Чертыхнулся, принял звонок.

– Дарлинг, где ты?! Я у Васильчиковых, тут весь бомонд, ждем тебя.

– Вот, блин, чуть главного-то не забыл! У тебя моей Светочки есть номер? Позвони сейчас ей и попроси, чтобы тебя включили в список. И Васильчиковых, и бомонд.

– Какой список, хани?

– Она знает. Конец связи.

Размахнулся телефоном.

Спохватился, набрал зама по безопасности.

– Да, Сергей Иванович? – испуганно.

– Там у тебя утром на вахте стояло мурло одно. Косит под моряка, а сам... Короче, уволь его на хрен. Только сначала сорви перед строем морские погоны.

– Ка... Какие погоны?!

Вот теперь – все.

С наслаждением грохнул телефон об асфальт. Вытащил из замка ключи, закинул в кусты.

Шел вдоль обочины, разбрасывая – паспорт, визитки, кредитки. Швырял купюры, ключи от кондоминиума, от гаража, от загородного дома.

Обручальное кольцо долго не поддавалось.

Достал конверт с документами на теплоход. Подумал. Порвал и разбросал обрывки – ветер унес их в ночь, как мотыльков.

Последним был синий осколок. Сжал, крича прямо в треугольный глаз:

– Ты! Если бы не ты – я бы давно сам на океан уехал! Понимаешь? Сам! А ты мне все картинки показывал, вместо настоящего океана. Скотина ты, врун!

Бросил, пытался раздавить каблуком – мягкая земля приняла. Не дала расколоть.

И пошел вдоль трассы.

На восток.

Навстречу солнцу, которое в тысячах километров отсюда проснулось, сладко потянулось и сбросило сапфировое одеяло Тихого океана.

**Изящество, женственность,
деликатность, гибкость, партнерство**

*Число 2 символизирует Луну. Оно имеет женские атрибуты.
Вибрации числа 2 гармонируют и образуют хорошие сочетания.*

Ольга Рейн

Пятнадцать секунд

Мня звут Брис. Мне 6 лет. Я хршо пишу но прскаю буквы. Мама гврит надо много псать и от рки. Пишу. От руки. Мама говрит надо 100 слв. Уже 30.

День ржденья вчера. Пдрили глобс Луны светящися. Хрошо, но хотел ктенка. Или телскоп. Папа гврит когда я вырсту на Луне будут грда. И я смогу туда полтетть и жыть. Там низкя гравитация и мжно пргть выско. Но нет воздуха и ндо быть в шлеме. А если нос чешеца? Я пробвал папин летный шлм. Тяжлый.

Скро в шклу. Будут взить чрез полгрда в шклу для умных. Уже 95 слов. Слово. Слово.

Ура, все!

Небо над Голландией было высоким, синим, пахло тюльпанами и коноплей. Брис поделился наблюдением с геологом Олесей – та сидела с кислым лицом, морщилась от шума вертолета.

– А красными фонарями оно тебе не пахнет? – съязвила она. – А то там под нами целый квартал.

– Недобрая ты, – вздохнул Брис. – Надо меньше пить. Или хотя бы закусывать, Олесь.

Олеся показала ему на правой руке дулю, а на левой – средний палец, соблюдая дух командного интернационализма.

– Вот этот жест, правый, в Германии означает, что ты хочешь заняться сексом, – прищурился через очки Джошуа Кондрад III («только ДжейСиТри, ребята, я вас умоляю, а кто будет глумиться – накормлю слабительным»). – Не знаю только, принять ли на свой счет, или это ты Бриса или Мариуса манишь. Или... о, так даже лучше – Софию?

– Мы больше не в Германии, – отрезала Олеся, сдвинула на глаза темные очки, демонстративно подняла руки к ушам, сдавила мочки, активируя наушники. – И не в Канзасе, Тототшка.

Откинула голову на сиденье и расслабилась. Брис же смотрел вниз до самого Нордвейка – Антверпен кончился и пошли полосы полей всех оттенков зеленого – мята-лайм- малахит-фисташка-мох-влюбленная жаба. Мама у Бриса была художник-дизайнер, его с детства привлекала к раскрашиванию.

– Хорошо без камер-то, – сказал Мариус. Он тоже вчера изрядно повеселился и вложился в «последний вечер земной свободы» двумя бутылками румынской палинки, которые в сочетании с водкой, скотчем, коньяком и ограничением по калориям сделали свое черное дело – от похмелья страдали все.

А без камер действительно было хорошо – полгода в Кельне и два месяца в Антарктиде транслировались прямиком на платный интернет-канал «Лунные люди» с сорока камер, плюс каждый день кто-то вытягивал короткую соломинку «Точки зрения» и носил камеру на себе.

Брис был одним из тех, кто терпеть не мог этой публичности, но очень-очень хотел в экспедицию, а «Лунные люди» покрывали почти половину расходов и были неиссякаемым каналом частных пожертвований. Но камеры, как миллиарды внимательных любопытных глаз, Бриса невероятно раздражали. А авторов заголовков и баннеров хотелось долго пинать тяжелыми ботинками лунного скафандра.

Не слабоват ли русский? Господин Мухин блюет после тренировок на перегрузки!

Горячий скандал в столовой холодной Антарктической базы – господин Мухин виртуозно ругается матом! (для объяснения значений популярных русских ругательных слов кликните по красной ссылке, если вам 18+ лет)

Сила Луны и тайные страсти – кто на самом деле нравится этому русскому – украинка (геолог) или испанка (астрофизик)?

Камеры, впрочем, платили Брису взаимностью, на экране он выглядел вечно надутым, хмурым и почему-то слегка косоглазым, хотя в зеркале ничего подобного не наблюдалось.

– Боренька, ну нельзя быть таким неприветливым, ты же свою страну представляешь, – укоряла его бабушка по телефону. – Улыбался бы почаще, а? И вот слушай – я вчерашний день пересмотрела, когда вы выходили за образцами, потом в лаборатории, потом ужинали все вместе... Эта, София-то, испаночка, на тебя все смотрит исподтишка, Борь. Ты отвернешься – а она смотрит... Ты бы хоть ей улыбнулся, а? И для девочки хорошо и для рейтинга твоего. Вас же не только руководство в экспедицию отбирает, а еще и зрители голосуют... И – слушай, Боренька – акцент у тебя слишком сильный, как в старом голливудском фильме про русских. Работай над межзубными звуками и не «рэкай»...

Брис тогда вежливо попрощался с бабушкой – преподавательские инстинкты не изживаются годами на пенсии – и пошел тайком пересматривать «Лунных людей» на перемотке (неужели правда София на него смотрит?) Ничего такого он не нашел, зато снова уверился в своей крайней нефотогеничности и намечающемся косоглазии.

– Ну что смотрите? Кто первым будет пробовать? Управляется модуль либо водителем изнутри, либо дистанционно, через 3-Д контрольную установку, где движения оператора соответствуют движению робота... Не все задачи можно решить, стоя на двух ногах – иногда куда эффективнее и безопаснее встать на четыре...

– На силовые доспехи в «Фолауте» похоже, – усмехнулась Олеся, не забывая ласково улыбаться высокому чернокожему голландцу Питу – в похожем на спортзал огромном помещении с разметкой на полу тот гордо демонстрировал им передвижной модуль «Геккон 11», для тренировок на котором они и прибыли в Нордейк.

– Кстати да, похоже, – оживился ДжейСиТри. – Ну, держитесь, лунные люди! Я – гроза европейских серверов в «Фолаут онлайн». Сейчас я вам покажу, как это делается.

Брис никогда не играл, но в тренировке побил ДжейСиТри на сорок очков изнутри «геккона», а София – на удаленном управлении.

– Зато я умею трахеостомию делать, – бурчал ДжейСиТри, старательно обижаясь. – И вообще – приходите ко мне на сервер, я вам покажу. Я – тигр радиоактивных прерий! Моим ником пугают новичков!

– На камеру работает, – тихо прошептала Брису София, встав рядом. Была она такого маленького роста – Брису едва ли по плечо – что казалась совсем еще девочкой, хорошенькой и нежной. Еще Брису нравился ее мягкий испанский акцент. Все ему нравилось, вот только сказать ничего было нельзя – пару месяцев назад, еще в Кельне, за любовь вылетела из кандидатов в лунную экспедицию пара французов. По странному распределению судеб и возможностей они оба попали в программу из одного города – Тулузы, провели первую стадию подготовки в остром соперничестве и взаимных подколках, а теперь, говорят, уже успели пожениться и получить работу в итальянском подразделении Европейского Космического Агентства. В экспедицию влюбленную пару отправлять никто не собирался – законы групповой динамики не благоволили юным чувствам.

– София, мы что, снова в эфире?

– Мы почти всегда в эфире. Не зевай, не ковырай в носу, не чеши задницу, всегда води себя как настоящая леди, Брис!

Английский аристократ и будущий обитатель Луны Джошуа Кондрад III – потомок Вильгельма Завоевателя? Тайны крови – узнайте и свою родословную! (первый месяц подписки – бесплатно!)

Пустоши Фолаута – окупись в приветливый мир постядерного апокалипсиса и покажи всем, чего ты стоишь! Лунные люди уже с нами!

Почему медлит румынский пилот? Не страдает ли господин Матей тайной клаустрофобией? Кто может стать пилотом экспедиции вместо него? Голосование открыто.

– Почему «геккон»? – спросил Мариус. Он единственный еще не попробовал управлять модулем, рассматривал его подозрительно, словно медвежий капкан. – Из-за цепкости?

– Именно! Ящерица-геккон массой в пятьдесят грамм способна удерживать на лапках груз до двух килограммов. Этот модуль разработан для спуска по стенам кратера – если угодно, для лунного скалолазания. Присоски и система гибких крючьев делают его...

– Давай, Мариус, – подбодрила его Олеся, отпивая глоток темно-зеленой бурды из молодых фруктов и листьев, которую им рекомендовалось пить по утрам. Голландец поправил очки, ободряюще похлопал Мариуса по плечу, показывая на модуль. Мариус по-прежнему смотрел на робота недоверчиво, хмурил темные брови.

– Вы же пилот, – сказал Пит. – С вашим-то опытом и возможностями...

– Рожденный ползать летать не может, – сказал Брис вполголоса по-русски.

– И наоборот, – улыбнулась Олеся.

– Вы оба из одной страны? – заинтересовался голландец, присмотревшись к девушке.

– Почти, – сказал Брис, а Олеся одновременно сказала «нет». Объяснять не пришлось – Мариус наконец залез в «геккона» и был уже под потолком – одна из стен тренировочного зала имитировала крутой спуск лунного кратера, и голландец отвлекся, налаживая с ним голосовую связь.

Вылетали с Байконура на новом «Гермесе», серебристом, огромном, красивом, будто его разрабатывал дизайнер для дорогого фильма – внушать восторг и веру в космические мечты. Вдалеке готовился еще один запуск.

– Новый модуль на орбиту, – говорил инструктор ЦУПа, несолидно похожий на почтальона Печкина. – Второй и третий европейцы сами запускают из Куру. Эх, в какое время живем, ребята! Я когда пацаном был в конце восьмидесятых, книжку любил очень «Космонавтом быть хочу». Черная такая была, глянцева. Мне не пришлось, но вы-то вон как! Хорошо пошло в последние годы!

– Ладно вам, Иван Николаевич, – улыбалась Олеся. – Всегда летали, никогда космос не замораживали.

– Это правда, летали. Но по чуть-чуть, без огонька. Я когда учился в аэрокосмическом – думал на Марсе доживать буду, под российским куполом, глядя на розовое небо. А тут уже тридцатый год на дворе, а мы только- только на луне базу строим. И то всей Европой. И китайцы в спину дышат...

– Прогресс-то общий, – примирительно говорил ДжейСиТри. – И финансируется космос сейчас по- другому, и частные деньги привлекаются...

– Да-да-да, жена моя смотрит «Лунных Людей», – кивал Иван Николаевич. – Сам-то я не смотрю. Эх, как ты тогда испанца Алекса умыл на пилотировании, – хвалил он Мариуса, и тот краснел. – А с Леночкой у вас как искрило! Жаль сошла девчонка с дистанции, мы ее приглашали, но у нее теперь кризис и депрессия, уехала к себе в Самару, официанткой работает. Представляете? Ну да ничего, перетопчется, остынет, я ее лично опять позову. Ладно, на

модули посмотрели, теперь опять на симуляторы, ребята. Пора осваивать Солнечную систему агрессивно, хватит тихо пукать на свечку космического прогресса!

Самобытные выражения русского инструктора Скорбилина – смешная компиляция!

Господин Мухин опять плохо перенес перегрузку – не ошиблось ли ЕКА в выборе бортинженера?

До старта – 12 часов, до прибытия на Луну – 80 часов, загрузите приложение обратного отсчета и смотрите в прямом эфире «Точку зрения – 5» – полет, прилунение и лунная база – глазами каждого из участников экспедиции.

«Свежее мясо» – циничное народное название предварительного отбора кандидатов для следующей лунной миссии. Лунные люди 2031 – кто они? Смотрите и голосуйте!

Наш канал обновляет передатчики – экспедиция доставит на станцию новейшее телевизионное оборудование. Подписывайтесь на «премиум» – трехмерный эффект присутствия, вам покажется, что вы – тоже там!

Брис думал – он сразу испытает величие космоса, как только Земля внизу станет выглядеть как гугл-карта, когда открутишь колесико. Думал – будет благоговение и сбыча мечт. А было тошно и страшно – физически, позвоночно, так что зубы сжать и вцепиться в ремни. Потому что все делают за тебя механизмы и диспетчеры ЦУПа, а ты висишь и воображаешь баннеры ненавистных Лунных Людей («Господин Мухин ЗАВИЗЖАЛ при взлете» и «Тошнота в невесомости – Жан Поль Сартру и не снилось»).

Но в общем все оказалось настолько похожим на ощущения в симуляторах (или симуляторы оказались настолько хорошими), что приходилось мощным усилием воли все время напоминать себе, что сейчас это все – настоящее, что если снять шлем, то чернота и звезды, и белые воронки облаков внизу (Тихий океан штормило) – не исчезнут, и нельзя будет пойти поплавать в бассейне.

– Через час заканчиваем околоземный маневр и стартуем к Луне, – устало сказал Мариус. – Напоминаем, что курение на борту запрещено. И это ваш последний шанс отовариться земными сувенирами дьюти-фри – спрашивайте у стюардессы.

Олеся нервно хихикнула. София сказала, что купила бы земной сувенир, чтобы символизировал всю Землю.

– Вот у нас в Барселоне – мозаика, – сказала она со своим мягким акцентом. – Везде сплошные мозаичные ящерицы и быки. И Саграда Фамилия. Но это у нас туристический культ Гауди. У нас. А от всей планеты что было бы?

– Пирамиды! – предположила Олеся.

– Угу, – сказал Брис. – Мы гордо летим на Луну, а планетарным сувениром берем гигантские гробницы, которые четыре тысячи лет назад построили рабским трудом.

Ваше мнение – каким может стать сувенир, символизирующий нашу планету? Прими участие в голосовании и выиграй приз от канала «Лунные Люди»!

– Что бы мы ни выбрали, но сувенир точно будет сделан в Китае, – задумчиво вздохнул Джей. – И на Луне между нашей базой и китайской – всего двадцать километров.

– Тут как в игре «Цивилизация», – встрял Мариус. – Казалось бы – Луна большая. Очень большая. Очень-очень...

– Ох, мы поняли, – цыкнула Олеся. – Не нуди.

– А самый лучший участок – один, у Южного полюса. Там есть и области вечной тени – воронки кратеров, где мы будем искать воду, и пики вечного света – где так и хочется установить солнечную батарею.

– Южный полюс на обратной стороне луны – нет радиопомех с Земли, – сказала София. – Но неподалеку – горный массив Малапер, с которого Землю видно почти всегда...

– Можно поставить антенну и обновить статус в Скайпе на «всегда на связи», – мягко перебил ее Мариус. – Так вот – как только ты построил на этом ласковом кусочке свою первую базу (мы все еще про «Цивилизацию») – тут же выясняется, что рядом отстроились китайцы... И за три хода создали пирамиды, Великую стену и висячие сады, и за все ресурсы вы теперь будете конкурировать...

– За все – не за все, а будет гонка за кратеры вечной тени, – вздохнул Брис. – Если там и правда тонны воды сидят... Как у нас говорят – кто первый встал, того и тапки...

– Ну не знаю... – задумчиво проговорил ДжейСиТри.

– Чего не знаешь?

– Не знаю, как можно играть в «Цивилизацию», когда есть стрелялки! Бум! Бам! Зомби в ключья! Динамика! Маскулинность!

– Тебе за рекламу заплатили что ли?

– Как красиво... – Олеся смотрела вниз – на Земле начинало темнеть, загорались огни, от ярких медуз городов прорастали световые паутинки, сливались, мерцали живыми драгоценностями.

Брису захотелось плакать.

– Ну, ребята, поехали, – сказал в наушниках голос диспетчера. И, по-русски, – Ни пуха! Включились двигатели.

На пятый день была очередь Бриса звонить домой, полчаса видеосвязи – теперь, с новыми передатчиками «Лунных людей», канал был широкий.

Мама выглядела как обычно, как всегда, несмотря на то, что они с Брисом были на разных планетах, и почему-то именно это казалось страннее всего. Брис как-то растерялся, говорил с преувеличенной бодростью – какой неожиданно большой оказалась база, как они брали пробы с поверхности, как он монтирует «геккона» и завтра планируется первая пробежка вокруг базы, а послезавтра – тренировочный спуск в плоский кратер в полутора километрах.

Мама улыбалась, говорила, как она им гордится, рассказывала простые домашние новости – про новый заказ на работе, про папину больную коленку, про поездку в Выборг. Сестра Катерина лезла в камеру и хотела дотошно обсуждать сплетни с «Лунных людей» (*«Мариус и Олеся – тайная страсть во взглядах и запретных прикосновениях?»*). Брис сказал, что единственными запретными прикосновениями от Олеси всем достаются тычки в плечо, когда она недовольна. Рассказал про командира экспедиции немца Штефана – он месяц прожил на базе один между отлетом предыдущего экипажа и их прибытием.

– Представляешь, на какой-то момент он был единственным человеком на целой планете!

Катерина сказала, что знает и читала его робинзонские дневники на «*люлюдях*». Что Штефан – очень тонкая душа и любит музыку Глинки. И считает, что российская технология трехмерной печати модулей базы из лунного грунта намного превосходит китайскую с надувными модулями, хотя та и дешевле.

– Надеюсь, когда я полечу на Луну, там уже будет приличный купол и можно будет выращивать растения, – сказала Катерина. Брис пообещал сделать для этого все, что от него зависит.

На седьмой день из центра управления в Дармштадте сообщили, что китайская сторона проинформировала ЕКА и Роскосмос о начале маневров по спуску пилотируемого модуля в

кратер де Герлах. Вскоре вышли на связь и китайские «лулюди». Познакомились они по радио еще в первый день экспедиции – четверо ребят, все веселые, вежливые, с хорошим английским.

Командир базы «Шенджоу 30», Вэт Юшенг, официально сообщил «европейским коллегам» о начале маневра – пилотом будет геолог экспедиции Женг Го, исследовательская операция продлится девять часов.

– Нао ун lian lian, – пожелал им удачи Штефан.

– Опередили нас все же, – сказала Олеся. – Вот же. На один день! Теперь они будут первыми в кратере вечной тени.

На восемь утра по Гринвичу был запланирован спуск «геккона» в Свердруп. Для начала – на дистанционном управлении.

– Имена как из дешевого фэнтези, – сказал Джей, поднимаясь – по расписанию на сегодня у него были три часа экспериментов с муравьями и лунным грунтом. – Кратер Вечной Тени. Болото Вечной Вони. Гора Невыносимого Пламени.

– Жалко, что у них все засекречено, – вздохнула София. – Я буду волноваться за Женга Го. Я его погуглила – молодой парень, красавец, умница, полгода как женился... Мариус, готовность двадцать минут, устанавливаем первую ступень радиотелескопа.

– Ай-ай, кэп, – отозвался Мариус, не отрываясь от планшета. София покраснела и почему-то мельком взглянула на Бриса.

Завтра – впервые в истории – россиянин Борис Мухин удаленно, с помощью новейшей радиотехнологии, пилотирует «Геккон 11» в мрачные глубины Свердрупа – кратера Вечной Тени. Что мы там обнаружим? Залежи воды, собравшиеся из комет, миллиарды лет быющих в лунную поверхность? Споры жизни? Залежи бесплодной лунной пыли?

Оставьте комментарий и присоединитесь завтра к господину Мухину – видео в режиме реального времени (с поправкой на расстояние).

Луна, открой свои тайны!

(скидка на автоматически возобновляемую подписку -15 %)

Сначала позвонили с Земли с информацией, что миссия китайцев осложнилась, и ведутся переговоры о помощи.

– Что-то пошло не так! – прокомментировал Штефан, потягивая за кончик длинного уса, удивительно не идущего к его широкому веснушчатому лицу.

Все собрались в столовой и нервно ждали новостей.

Вэт Юшенг позвонил напрямую, очевидно, не дожидаясь окончания переговоров на Земле.

– Мы потеряли связь с модулем, – сказал он безо всяких вступлений. – Уже полчаса. На момент последнего контакта он был на глубине двух километров и достиг области вечной тени.

– Мне очень жаль, – сказал Штефан напряженно.

– Мы просим помощи. У нас больше нет модулей. У вас – «геккон». Женг Го... Может быть, есть шанс...

– Будем ждать приказа с Земли, – сказал Штефан. – Но обсудим и подготовимся в любом случае.

– До де Герлаха – десять километров, – Мариус уже развернул карту. – Загрузим «геккон», я доеду за полчаса. Или меньше.

– Больше пятнадцати скорость еще никто не развивал, – заметила Олеся.

– Я доеду, – сказал Мариус упрямо. – Грузите робото- ящерицу.

– Нужно спускаться с водителем, – сказал Брис. – Не на удаленном доступе, а со мною в кабине.

– Этот процесс не санкционирован и плохо отработан, – Штефан тянул свой бедный ус так, что он вот-вот должен был оторваться.

– София будет на подстраховке. И Олеся. У них обеих на удаленном контроле результат был лучше моего.

Штефан связался с Землей – результата переговоров еще не было. Брис загрузился в модуль, провел подготовку перед запуском уже в пути – «геккон», загруженный в «ровер», уже ехал к месту спуска. Сквозь прозрачный пластик аппарата и машины он видел Мариуса – тот ехал ровно, но выжимал из «ровера» несвойственное тому проворство. Доехали за двадцать восемь минут.

– Рекорд! – показал Мариус в камеру большие пальцы – и только тут Брис вспомнил про «Лунных людей».

– Отбой, – сказал в наушники Штефан. – Разворачивайтесь. ЦУП одобрил спасательную миссию «геккона», но только на удаленном пилотировании. Риск для Бриса неприемлем.

– Это еще час, – сказал Брис. – Полчаса. Плюс полчаса. Это час.

– Благодарю за урок занимательной математики, – звенящим голосом ответил Штефан. – Возвращайтесь.

Мариус, задрав голову, смотрел на Бриса. Брис показал ему два больших пальца и ослепительную комиксовую улыбку. Мельком подумал, что для таких случаев хорошо бы иметь табличку «сарказм» на небольшой деревянной ручке. Потом убрал улыбку с лица и мрачно активировал «геккона».

– Я буду ждать здесь, – жестами показал Мариус.

Брис отцепился от «ровера», шагнул к воронке кратера.

– Дурак безответственный, – с чувством сказала Олеся издалека. – Не пустят тебя больше в космос, помани мое слово.

– Придется переквалифицироваться в управдомы, – ответил Брис.

– Бери выше – в трактористы!

– Пробы возьми, пока ты там, – сказал Штефан горько. – Это процесс автоматический, много времени не займет.

Брис полез вниз – цепко хватаясь короткими щупальцами, двигая всем телом, как на практике в Голландии.

Срочное включение. Космонавт Мухин пилотирует модуль «геккон» в попытке спасти китайского космонавта. Европейское Космическое Агентство не подтверждает информацию, но, возможно, имеет место нарушение приказа и субординации.

Чем это грозит члену экипажа? Интервью с юристом ЕКА Мишелем Ивановым.

«Я не могу не надеяться» – несколько строчек от жены Женга Го.

На следующие несколько часов мы снимаем ограничение по подписке – подобные поступки принадлежат всем людям, смотрите прямые включения бесплатно!

Брис нашел его на глубине трех километров – он карабкался вниз уже два часа и очень устал. Модуль Женга Го оставлял на стене кратера хорошо видимый след – на отметке – 2600 метров обрывающийся в следы падения. С колотящимся сердцем Брис аккуратно съехал вниз – в стене была глубокая выбоина, на краю которой и не удержался китайский модуль.

Он скатился глубоко в эту боковую воронку и лежал, похожий на изображение вируса под микроскопом – освещенная капсула оператора, вокруг – тонкие ноги и щупальца пробов. Брис подвел «геккона» ближе, сломанный модуль качнулся и Женг Го открыл глаза, вздрогнув всем телом от удивления.

«Он спал, что ли? Или медитировал?» – подумал Брис. Интересно, как сам он бы вел себя в ситуации неизбежной и очень неприятной смерти в холоде вечной тени. Хотя... всегда можно сделать ее очень быстрой, открыв кабину.

Брис помахал китайцу рукой. Тот бледно, вымучено улыбнулся и помахал в ответ. Брис вдруг понял, что для Женга ничего не изменилось от того, что Брис его нашел. «Геккон» не сможет утащить наверх китайский модуль. Ни у Женга, ни у Бриса не было скафандров – они бы просто не поместились в тесных кабинах. Вокруг стояла непроглядной водой вечная темнота, самая крошечная во всей известной Солнечной системе. Вакуум. Ледяная ночь.

Они оба были заперты в своих герметичных пузырях – две точки света, два существа, одно из которых могло двигаться, другое – нет.

Брис передал координаты найденного искаленного модуля, описал ситуацию. София ойкнула, Олеся грязно выругалась. Остальные молчали. Потом Штефан откашлялся, сказал, что свяжется с китайской стороной.

– ДжейСиТри, – позвал Брис.

– Да, Брис, – отозвался тот похоронным голосом.

– Сколько... сколько у нас было бы времени? Если мы откроем модули? Женг заберется ко мне, я герметизирую «геккон», восстановлю давление и уровень кислорода?

– Пятнадцать секунд, – сказал Джей. – Ну, если удача прокачана у обоих, может еще секунда-две.

– Что-то маловато, – сказал Брис. – А под водой я до ста считаю... Это из-за холода?

– Торговаться со мной собрался, что ли? Холод неважен, в вакууме тепло тела быстро не уходит. За пятнадцать секунд расходуется весь кислород в крови. Под водой у тебя полные легкие воздуха. А тут надо полностью выдохнуть, полностью, понимаешь? Иначе у тебя и пяти секунд не будет, прежде чем кислород в вакууме расширится и порвет изнутри твои легкие в фарш. Ты меня понял, Брис?

– Я тебя понял, – ответил Брис, напряженно считая.

– Упрямый осел, – сказал ДжейСиТри издали.

Открыть капсулы – одновременно – четыре-пять секунд – Женгу напрячься и прыгнуть – Брису поймать – шесть-семь секунд, закрыть капсулу – нажать кнопку подачи кислорода – четыре. Или пять. Или шесть секунд. Разница в секунду. Но если все – по нижнему пределу, то оба выживут, если по верхнему – оба погибнут.

– Китайское руководство запрещает Женгу Го соглашаться на подобное безумие, подвывая другого космонавта – тебя, Брис – неоправданному риску, – объявил Штефан.

– Ну, он об этом-то не знает, – тихо сказал Брис.

Женг смотрел на него из своего пузыря. Не отрывал взгляда. Наверное, думал, что Брис – последнее, что он увидит.

Брис подвел «геккон» как мог близко. Если упереться стеклом в стекло – можно стучать морзянкой. Через несколько минут он понял, что сделать этого не сможет – габариты модулей несовместимы. Брис весь взмок, и система контроля воздуха на полсекунды сплосовала, пере-страиваясь – прозрачный пластик покрылся туманом дыхания.

– Эврика! – сказал Брис и отключил ее.

– Что, что Эврика? – взволнованно спросил голос Олеси.

– «Эврика!» – воскликнул Архимед, что означает «я нашел!» – сказал Брис, усиленно дыша на стекло.

«15 секунд» – написал он на стекле, в последнюю секунду вспомнив, что писать надо зеркально. Набросал открытый овал капсулы и человечка с крестиками вместо глаз. Туман его дыхания почти тут же исчез, но Женг впервые оживился в капсуле напротив, поняв, что они могут общаться. Он повозился с настройками, что-то переключил и пластик тут же запотел изнутри.

«Слишком мало, – написал он. – ОПАСНО!» И нарисовал двух человечков с крестиками вместо глаз. Показал пальцем на себя, потом на Бриса. Высунул язык, запрокинул голову – я умер, ты умер, мы умерли и остались в темноте, замороженные и вечные – тела не разложатся.

«15 секунд, – написал Брис. – Открыть. Ты прыгаешь. Я ловлю. Закрыть».

Женг помотал головой – нет. Потом написал «нет» на стекле. Потом написал какой-то иероглиф, наверное, тоже «нет».

– Упрямый, – сказал Брис. – Как его жену зовут?

– Ксуеман, – отзвалась София. Брис представил, как они все сидят на базе – нервно, сжимая планшеты, не двигаясь. К сцене бы подошла тревожная музыка, – решил он.

– А говорят у китайцев имена короткие, – вздохнул Брис. Написал на стекле «Ксуеман». Потом написал «Мама. Папа.»

Женг закрыл глаза, стараясь не заплакать.

«Жизнь стоит риска!» написал Брис свой последний довод и подождал. Наконец Женг открыл глаза и кивнул. Брис улыбнулся.

– Олеся, слухай сюды. Если все получится – в кабине нас будет двое, и щека к щеке с китайским товарищем я управлять «гекконом» не смогу. Я извиняюсь заранее, что вас ставлю в такое положение – но вам придется залезть в систему управления и удаленно меня отсюда выта-

щить... И желательно побыстрее, потому что кислород мы будем вдвоем жечь очень быстро... перевожу на дистанционный контроль. Я весь твой, девочка моя!

– Я вне себя от счастья, – невесело сказала Олеся где-то в другом мире – там, куда Брису очень хотелось снова попасть.

«Нужно выдохнуть! – написал Брис китайцу, – ПОЛНОСТЬЮ!»

И показал пальцами цифры – 5-4-3... Дальше не дошел – кабина китайского модуля дрогнула, наверное, у Женга сдали нервы – и открылась. Брис активировал свою и сосредоточился на дыхании. Кабина открылась в лунный вакуум, в минус двести вечной тени. Холод сдирал с Бриса кожу, каждая клетка кричала, задыхаясь. Женг прыгнул – его нога сорвалась, Брис уже видел, что не допрыгнет, несмотря на 1/6 земной гравитации – из всех сил дернулся вперед и попытался его поймать. Ухватил за волосы, потянул, сам теряя сознание – попытался вдохнуть, но вместо воздуха было ледяное ничто. Брис дернулся назад, не отпуская Женга, ударил по «заккрыть», не успел включить герметизацию-давление-кислород – палец соскользнул, темно.

Брис думал, что смерть – это как в лунном кратере. Холодно и ничего. И растворяешься в темноте, и все уходит, и страдание исчезает вместе с мучительным желанием жизни.

Но тут он сразу понял, что жив – страдание никуда не делось, болело все – голова, глаза, легкие хрипели и жаловались. Сильно ломило кожу, будто вся она стала больным зубом, размазанным по поверхности всего тела. Было жарко и тесно. Негромко звучал бодрый ритмичный мотив без слов. Брис качался и подпрыгивал.

Он открыл глаза. «Геккон» без всякого его участия лез вверх, туда, где был солнечный свет, ярко-белый на изрытом метеоритными оспинами склоне кратера де Герлах. Женг, прижатый к Брису грудь к груди, застонал и очнулся – Брис не мог шелохнуть головой, чтобы посмотреть на него, места не было.

– Жарко, – наконец, сказал китаец. – Кажется, система охлаждения не справляется.

Брис засмеялся – они оба истерически хохотали, пока в наушниках беспокоилась Олеся, поздравлял их с успешной спасательной операцией Штефан, ДжейСиТри кричал, что «Лунные Люди» порвали все рейтинги, собрали денег на постройку трех лунных баз и возвели Бриса в ранг героя, а со дня на день могут рассмотреть сонм святых. София ничего не говорила, только тяжело дышала.

– Как я рад, что на нас эти... подгузники, – сказал Брис, что было ошибкой, потому, что и он и Женг тряслись от лихорадочного смеха еще минут пять.

– Пятнадцать секунд – это довольно много времени, – сказал Женг. – За них можно спасти человека на луне...

– Или убить, – предложил Брис.

– Можно забить гол. Решающий...

– Приготовить полезный смузи с морской капустой, буэ...

– Влюбиться в женщину...

– Совершить открытие...

«Геккон» лез вверх.

Меня зовут Брис Мухин, мне тридцать шесть лет, я родился и вырос в России, учился в Москве и Оксфорде, стажировался в Кельне.

Меня попросили написать небольшое обращение – «слов сто» – и я в затруднении – если я стану шутить, то могу принизить ситуацию, выставить себя глупцом, и к тому же у меня своеобразное чувство юмора. Если буду говорить прочувствовано и серьезно, то мы утонем в пафосе.

Я выберу беспронигрышный вариант – великие древние мудрецы наговорили много умного, прекрасно подходящего к любой ситуации. Конфуций сказал:

«Три вещи никогда не возвращаются обратно – время, слово, возможность. Поэтому: не теряй времени, выбирай слова, не упускай возможность.»

По времени – я никогда не думал, какими длинными могут показаться пятнадцать секунд, и сколько может в них поместиться – движений, решений, адреналина, холода.

По возможности – мы, человечество, наконец перевернули страницу, на которой застыли в семидесятых, когда казалось – сады на Марсе вот-вот качнут ветками. Этого не случилось, когда обещали фантасты – но в пробах из кратера – вода. Много воды. Для людей, для ракет, для жизни, которую мы можем принести туда, где ее никогда не было.

Сейчас я поднимаю глаза от экрана, на котором пишу и вижу, как солнце отражается от лунной пыли.

Пройдет одна и две десятых секунды – и вы увидите этот свет на Земле. Вот они, новые возможности – для всего человечества. Для нас.

По словам – я уже почти вдвое превысил сотню.

Ура, все!

Тимур Максютлов

Шенандоа

Реки были полноводны, леса приветливы, а клен щедро делился соком. Стрелы не знали промаха, дичь сама шла в силки; дети были сыты, воины храбры, а девушки прекрасны, как утренние звезды.

Обрадовался Маниту, что все так хорошо устроилось, и решил отдохнуть. Выкурил трубочку да улегся спать в своем типи, стенами которому – облака.

Тогда истекло для алгонкинов Время.

Злая рыба Номак всплыла из мрачных глубин и обрушила небесный огонь на землю. Пылали леса, заживо горели люди, и даже камни расплавились, плача от нестерпимого жара. Тот, кто выжил в пламени, не мог утолить страшную жажду, потому что вода всех озер и рек стала горькой, превратившись в черную желчь. Кожа покрывалась волдырями и сползала, словно у линяющих змей; матери рыдали над трупами детей, и со слезами вытекали их глаза.

Когда Маниту проснулся, то увидел вместо озер и лесов поседевший от горя пепел.

Причитая, ходил бог по земле, не узнавая ее. Ни пения птиц, ни счастливого смеха, ни звона тетивы, ни плеска весла – только обезумевший ветер завывал от ужаса.

Среди мертвого пространства стоял Последний Воин, держа на руках тело любимой.

Бог умолял о прощении, но Воин не стал его слушать.

– Ты не смог защитить твое и мое, Маниту. Ты бросил нас в час беды. Не нужны теперь мне ни ты, ни твой мир.

Сказал эти жестокие слова и пошел, неся свою тяжелую ношу. Тонкие руки любимой раскачивались в такт шагам Последнего Воина, а волосы ее касались серого пепла, становясь седыми.

* * *

Бобби Бор, горный инженер

Конструкторы «Феникса» думали о чем угодно: запаса прочности, радиационной защите, надежности жизнеобеспечения; о рациональности, компактности и разумной экономичности. Они подсчитали каждый квадратный дюйм и заняли его датчиком; они, умники, взвесили каждую унцию и напихали в нее всяких полезных штук.

Они думали о чем угодно, кроме главного: лететь-то людям. Живым, нормальным, психованным людям.

Что? В экипаж не берут психованных, говоришь? Иди на задний двор. Иди, а не перепрашивай. Видишь бочку из-под удобрений? Видишь или нет?

А теперь полезай в нее. Чего морщишься? Да, воняет. Знаешь, как воняет в корабле? Ха-ха, стерильная чистота. Через месяц в каждом патентованном фильтре поселяется синяя плесень. Ей плевать на ваши патенты, она их не читала. Она не умеет читать, ей нечем, у нее нет гребаных глаз. Зато она умеет вонять. Нет, вот так: **ВОНЯТЬ**. Смердеть. Зловонить.

Ну что, как тебе в бочке? Тесно? Это ты врешь, дружок. Объем бочки – хогсхед. А в этом мешке полужидкого дерьма, которое ты называешь своим телом – семнадцать имперских галлонов. Что это значит? О, как натужно скрипят твои несчастные метрические шестеренки в европейских мозгах! Это значит, что таких, как ты, в бочке поместятся трое, если рационально разместить.

Если собрать со всей моей Австралии диких собак динго, добавить пекинесов и ротвейлеров, и остальных гавкающих кабысдохов, то сколько получится? Хватит мямлить. Много

собак получится, понял? А космические конструкторы съели ДВА раза по много в вопросе рационального размещения. Так что не ной, а радуйся комфорту.

Теперь я накрою твою бочку крышкой и приварю. Чтобы у тебя не возникло соблазна выскочить. Из космического корабля запросто не выскочишь. Хотя многие пытались – без скафандра и даже не побрившись.

Какая еще клаустрофобия? Тебя же отбирали лучшие врачи планеты, ты – идеальный образец млекопитающего. Тебя готовили два года. Никаких клаустрофобий, даже на перхоть не рассчитывай.

У тебя есть человек, которого ты терпеть не можешь? Тот сопливый мальчик из детского сада, который с аппетитом кушал козявки и всех угощал? Или твоя учительница математики – полоумная гримза, которая тебя лупила головой в дробь. Помнишь ее? Судя по сопению, помнишь. Так вот. Они подседаются к тебе. Туда, в бочку.

Что ты воешь? Мы же вместе подсчитали: там навалом места, хватит еще двоим. А мальчик и училка – это всяко максимум полтора. Вы шикарно расположитесь. Так что запихну к вам твоего сержанта из учебки. Того, по кличке «метр в берцах в прыжке». Помнишь, как он орет? Ты еще все время удивлялся: откуда так много крика в этом навозном шарике?

Представил?

Так вот, твоя бочка – просто оранжерея божьих одуванчиков по сравнению с космическим кораблем «Феникс». В котором легче всего тому, кто немедленно, сразу после старта с лунной орбиты, догадался разбить башку о кремальеру или хотя бы выдавить себе глаза. Потому что стоит разжмуриться – обязательно наткнешься на члена экипажа, одного из пятнадцати. И они все орут и жрут козявки горстями. И так тринадцать месяцев.

Ты понял? Тринадцать. Долбанных. Месяцев.

Ну что, проникся? Ладно, не реви. Не реви, кому говорят. Вот, я тебе в щелку просунул обертку от жвачки, можешь понюхать. Не хочешь? Ну, давай насыплю кошачьих какашек, погрызи. Думаешь, после года с лишним полета корабельная жратва вкуснее кошачьих какашек? А ведь это только в одну сторону.

Не плачь. Я ведь не плакал.

Хотя бы потому, что на борту была еще и шестнадцатая. Шен Бейкер. Черноволосая, скуластая и маленькая.

И это извиняло все и всех: создателей «Феникса», глючащие датчики, многоумных профессоров космопсихологии, воняющие фильтры.

Целых тринадцать месяцев. Всего лишь тринадцать месяцев.

Рядом с ней.

* * *

Эрик Андерссон, второй пилот

Все устали. Раньше только язвили, а сегодня дошло дело до потасовки. Первыми сорвались эти двое. Я не удивлен: Иван и Джон невзлюбили друг друга еще в Центре подготовки. У парней напрочь отсутствуют такт и самообладание.

Да, я абсолютно не удивлен. Из экипажа в шестнадцать человек только пять профессиональных астронавтов. Остальные набраны по всей изуродованной планете и подготовлены кое-как. На всех этапах проекта «Феникс» политические мотивы брали верх. А расхлебывать, как всегда, профессионалам.

Куда смотрели все эти психологи, специалисты по коммуникациям, надутые очкарики с безупречными приборами? Тоже мне, «Ноев Ковчег, последняя надежда человечества». Каждой твари по паре: расист против активиста «черных пантер», коммунист против либерала, бывшие пилоты боевых коптеров против бывших зенитчиков. Можно ли после этого удив-

ляться, что они набили друг другу физиономии? Отнюдь. Можно лишь удивляться, что конфликт с кровопролитием – первый за четыреста суток полета.

Ясно было сразу, что эта парочка, Смит и Кузнецов, беременна мордобоем. Было поздно искать замену. Времени нет совсем. Каждый лишний день миссии «Феникс» стоит десятков тысяч лишних смертей на Земле.

Или даже так: любая задержка снижает шанс человечества на выживание.

И не надо мне истерить о душевных травмах и страданиях. Никто не заставлял их начинать войну. Всегда можно договориться. Всегда.

Совершенно необязательно ради дурацких амбиций убивать одну половину человечества и обрекать на медленную смерть вторую. Ребятки порезвились, а теперь всем разгребать. Вы знаете, какие эдельвейсы росли в Емтланде? Ондатры ели у меня с руки. Сосны шумели по партитурам Юхана Румана.

За год до полета нам дали последний отпуск. Потом – строгий карантин и изоляция. Я не смог поехать в Емтланд. Там теперь зона заражения, облако пришло с Кольского полуострова. Соснам нечем шуметь, они облысели. Ондатры лежат на берегу отравленного ручья желтыми брюшками кверху.

У меня тоже есть, что сказать, и американским, и русским, и китайским членам экипажа. Но я ведь не говорю. Потому что имею выдержку и чувство такта.

Слава Богу, я не капитан. Мне не приходится вникать, сочувствовать и разбираться. По мне так – пустое занятие. Мы здесь, чтобы сделать свою работу и вернуться домой. Чтобы когда-нибудь брусника вновь оросила кровавыми каплями берег Сигурд-фьорда. Чтобы люди перестали жить кротами в сырых темных убежищах.

Я-то свою работу сделаю. Не понимаю этих разговоров про психологическую усталость. Ничего, осталось совсем немного. До выхода на орбиту Эметы – трое суток. Тогда все забудут про глупости, будет не до них.

Хотя, если честно, меня тоже несколько утомляет общение с этой толпой инфантильных неврастеников. Я даже почувствовал... Не знаю. Наверное, ностальгию?

Я мусорщик. Один из лучших. Другого бы не взяли вторым пилотом на «Феникс». Мне часто снится рубка моего одноместного «Хугина». Работы у нас с ним было навалом. После войны весь ближний космос загажен до невозможности: обломки уничтоженных спутников и станций, подбитые орбитальные самолеты, какие-то куски не долетевших ракет и ракет, сбитых платформами противокосмической обороны. И сами эти платформы, развалившиеся на части. Хаотично мечущийся, фонящий рой, угрожающий последним уцелевшим спутникам и исключаящий нормальное использование пространства.

До войны ученые спорили, через сколько лет цивилизация окончательно погребет себя под толстым слоем мусора: через сто лет или через тысячу. Человечество решило не мучиться и самоубиться прямо сейчас. Однако загваздать космос успело.

Вот радар вылавливает очередной обломок: я отключаю автопилот и берусь за джойстики. Я люблю сам, руками. Тем более, когда у тебя под задницей такой красавец, как мой «Хугин». Потом оценка размера: мелкие куски я сжигал лазером. Но это так, детская забава. По крупным бить лазером нельзя: если не уничтожить одним выстрелом, а развалить на части, то делаешь только хуже. И вместо одной опасной штуковины появится десяток. Таких я отлавливал магнитными тросами и тащил на станцию приемки. Тут компьютер особо не поможет, нужна еще и интуиция. Это – целое искусство: если на гран ошибешься с определением массы, скорости и направления, то обломок выскользнет из магнитной ловушки, и гоняйся за ним потом. Или изменит траекторию на вообще непредсказуемую. Можешь случайно зарядить по родной станции, бывали такие случаи.

Григ в наушниках. Ты – один. Совершенно. Торжественные, как свечи в рождественской кирхе, звезды. Только ты и космос. И надежный «Хугин» – черный, верный, все понимающий.

Это прекрасно.

* * *

Джон Смит, механик транспортной системы

Ха! Рокки Бальбоа, сержант Уоллес и Капитан Америка в одном лице – вот кто я! Показал этому русскому умнику, кто здесь – самый лучший. Жаль, нас растащили, а то бы получился отличный двухфунтовый бифштекс.

Правда, костяшки сильно распухли. Перчатки скафандра я натяну, а вот шлем... На челюсти – здоровенный желвак. Совсем не вовремя. Высадка послезавтра. Док помазал мне морду какой-то вонючей гадостью, недовольно ворча насчет того, что корабельная аптечка не предусмотрена для боксерских поединков. Косоглазая тварь, а не доктор. Ну ничего, и до него дойдет очередь. Если большая война не выявила победителя, это не значит, что в малой войне на борту «Феникса» я буду такой же размазней, как наши политики, эти трусливые засранцы.

У отца было самое большое ранчо в округе. Три тысячи голов! Я и сам могу продержаться на бычке полминуты. Ну ладно, приврал. Меньше. И тем не менее, ковбой на «Фениксе» один, и это – не яйцеголовые из научной группы, я вас уверяю.

После колледжа я пошел в корпорацию «Глобал». Ту самую, которая «везде и всегда с вами» – от респираторов до надувных бомбоубежищ, от гиперкомпьютеров до выводящих радиацию таблеток. Стал механиком по лифтовому оборудованию. Не в отелях, естественно. Шахты, небоскребы – все, что особенно сложно и ответственно. Я был самым лучшим, несомненно.

Когда началась заваруха, это сыграло злую шутку: меня сразу забрали в Спецуправление, на бомбоубежища. Там, парни, работка была – до кровавого поноса, по шестнадцать часов. Никакого профсоюза, никакого тебе федерального закона о правах трудоустроенных.

А так – я бы, конечно, в морпехи. И сейчас дети в подземельях Висконсина играли бы не в сержанта Уоллеса, а в меня. Как я высаживаю свой взвод на Таймыре и там героически замерзаю, пристрелив последней ракетой огромного полярного медведя.

Мой профиль, между прочим, даже мужественнее, чем у сержанта Уоллеса. Это говорила китаяночка-навигатор. Хихикала еще так, кокетливо. Все-таки не все желтые тошнотворны, есть и среди них ничего себе такие. Изящная, как фарфоровая кофейная чашечка, у бабушки такая стояла на камине. Извращенцы, пьют кофе плевочками, а не из кружек, как нормальные парни.

Послезавтра начнется работка! Аж руки чешутся. Достало безделье.

От «Феникса» на орбите астероида отделится посадочный модуль, потом мое хозяйство – лифтовая платформа. Мы должны добыть и отправить на Землю триста тонн сибиревой руды. Ну, хотя бы сто пятьдесят. На Эмете сила тяжести, конечно, мизерная; но все равно, столько поднять на орбиту – не жук чихнул. Ракетами не получится, большой расход топлива. Поэтому наши мозгоклюи стряхнули пыль с древнего проекта и решили построить орбитальный лифт. На Земле его соорудить так и не удалось: слишком много проблем. С тех пор, как Ньютон получил по кумполу апельсином, никто так и не смог отменить силу тяжести. Прочность и вес канатов, ураганы в атмосфере и еще список из дюжины пунктов. Тут, на астероиде, все гораздо проще – это как жать от груди не трехсотфунтовую штангу, а банку пива. Лифт будет служить для подъема контейнеров с рудой на платформу, болтающуюся на стационарной орбите. Там, на высоте в пятьсот километров (тьфу, меня всегда корежит от этих французских эрзацев добрых человеческих миль) груз прицепится к автоматическим транспортникам. А те уже сами отправятся на Землю.

Но это – не моя забота. Моя – это графеновые тросы и подъемник. Ну, еще противовес, но с ним вообще просто: цистерна с топливом на обратную дорогу отстыкуется от матки и побол-

тается на противоположном конце троса. Когда мы закончим, то лифт станет уже ненужным, и цистерну-противовес приспособят обратно к «Фениксу». Я закончу работу, гордый собой, катер поднимется обратно к кораблю. Мы помашем ручкой брошенному посадочному модулю, я проникновенно скажу лифту:

– Прощай, напарник! Был горд службой в одном экипаже.

И мы вернемся домой героями.

Всю дорогу сюда они задирали носы. Корабельные, научники, вся эта шантрапа. Мол, были при деле, а я так, балласт. Ну, еще Бобби-оззи, пещерный гном. Его дело – копать в земле. Или как тут называется то, на что мы сядем?

И кто станет главным послезавтра? Да, парни, Джон Смит станет главным. Без меня вся эта канитель не будет иметь смысла.

Черт, а челюсть-то болит. Джи за обедом хихикала и с невинным видом предлагала погрызть орешков. Я сопел и посасывал бульон через трубочку. Русского отсадили от меня подальше, а здоровенный немец-компьютерщик постоянно, но как бы случайно, оказывался между нами.

«Джи» по-китайски означает «чистая». От нее даже пахнет вот этим. Чистотой.

А русский все-таки молодец. Не уступил, хотя легче меня фунтов на двадцать. Ну, это по-земному. В жилом кольце вращение дает половину от земной гравитации. Мы больше танцевали, чем дрались.

Помнится, в колледже я сцепился с Черным Биллом. Вот была битва «Монитора» с «Мер-римаком»! Он рассек мне бровь своим кулачищем, кровь заливала левый глаз. Но я держался до последнего.

Сейчас на месте колледжа – застывшее озеро расплавленной стекловидной дряни. Пехотинец Черный Билл сгинул в Европе. Говорят, прежде, чем истечь кровью, он успел подорвать «Армату».

Черт, кулаки сжимаются от злости, и я захлебываюсь яростью. Как это забыть? Как забыть пылающее побережье от Бостона до Вашингтона?

Обгоревшую женщину, прикрывшую своим телом годовалую девочку.

Я убью этого русского. Подкараулю и пробью башку титановым костылем для крепления основания лифта.

Скажу, что метеорит.

* * *

Иван Кузнецов, инженер бортовых систем

Довели подколодную змею – швырнулась колодой.

Неплохо я поставил на место этого американского гопника. Гопник и есть, только вместо кепки – ковбойская шляпа, вместо «семачек» – попкорн, и к кроссовкам привинчены титановые шпоры. В таком виде и появился в Центр подготовки, тогда мы схлестнулись в первый раз. Наглый тип, заполняющий собой все пространство. Воплощение Штатов в чистом виде. Только он про все знает, как правильно.

Жаль, не додали их. Просто кое-кто испугался. Когда девяносто процентов ракет взрывается в шахтах или летит черти куда, только не в цель, это выбивает из седла. Их тоже кое-что выбило из седла – например, массовый отказ систем наведения.

Я не сторонник теории заговора, но что-то тут нечисто.

Но сейчас не время разбираться. Время сыпется сквозь пальцы человечества, как труха сгнившего райского дерева.

Ядерная зима все равно пришла, хоть и в ослабленном варианте. Половина оставшихся в живых сидит под землей, где уже кончились запасы продовольствия, и люди едят трупы. Другая

половина живет на территориях, меньше пострадавших от радиации – и что? Там, на бывших кукурузных полях, в вымерших от холода джунглях идет война всех против всех. Там нет даже того минимума, что есть в подземных городах Северной Америки и Евразии.

Нужна энергия. Энергия – это пресная вода, это очистка почвы и воздуха. Это осаждение миллиардов тонн пыли и пепла, закрывших солнце. Это тепло, свет, еда, одежда, лекарства.

Энергия – это жизнь.

И ее надо в десятки, в сотни раз больше, чем использовала цивилизация до войны. Тут обычными атомными станциями и нефтяными топками не справиться.

Только гравитонные генераторы. Возможно, Господь специально подгадал окончание теоретических работ по превращению гравитации в энергию к этому моменту. Наутро после Армагеддона.

Море, океан, вселенная дешевой, общедоступной, универсальной энергии. Простейшее устройство генератора, абсолютная экологическая чистота.

Не хватает только одного – сибиря. Он, конечно, есть. Например, в конвекционной зоне Солнца. Или на границе земной мантии и ее жидкого ядра. Его можно синтезировать в ядерных реакторах – считанными атомами. А для гравитонных сеток нужны граммы, в масштабах все планеты – тонны.

В достижимом пространстве сибирей обнаружен только на большом астероиде Эмета. Поэтому полуживое человечество отдало последние силы, умы и средства для проекта «Феникс».

Поэтому я здесь, в тесной капсуле катера. Напротив меня возится с ремнями этот америкос, зыркает злобно сквозь блистер шлема. Я это хорошо вижу правым глазом, левый все еще заплывший.

Человечество получило шанс. На этот раз – точно последний. Шанс научиться жить вместе.

Я-то не против жить вместе. С итальянскими кастратами, с непальскими монахами, с собакообразными павианами – да хоть с сине-зелеными водорослями! Только не с этими звездно-полосатыми тварями.

Никогда не забуду девчонку на перекрестке убитого города. Счетчик радиации захлебнулся цифрами и сдох. Я втащил ее в эвакуатор.

У машины – триста миллиметров брони, противорадиационный подбой, антинейтронный надбой, полная герметизация, я – в скафандре высшей защиты. И то жгло кожу, а во рту копилась кислая слюна.

А она – в одной ночнушке, босая. Вокруг были жирный чад, щебень и стекло – или битое, или расплавленное. Пыль лежала полуметровым слоем, и каждая пылинка дышала смертью. Асфальт стал жидким, сгоревшее небо – твердым, как крышка склепа. Так и выглядит ад.

А она стояла, с чистым лицом, с белой кожей, белыми глазами. Белая кровь в бесцветных сосудах.

Я втащил ее через люк – невесомую, полуголую.

Уже мертвую.

Ее белые волосы были на крышке люка, и на сидениях, и на противорадиационном подбое. Даже через много дней, когда танк прыгал на очередном поваленном столбе, сотрясая свои бронированные кишки, вдруг откуда-то появлялся тонкий волос и плыл среди воняющей солянки и густого мата, плыл...

Как осенняя серебряная паутинка.

Ненавижу.

* * *

– Викинг, ответь Фениксу. Как у тебя? Тут одна блондинка машет тебе ресницами и волнительно вздымает грудь.

– Феникс, у нас нормально. Сто двадцать секунд. Все по плану. Словно на тренажере. Бокового ветра не наблюдается, как и атмосферы в принципе. Чего волноваться?

– Тьфу, Викинг, зря ты это сказал. Грудь перестала вздыматься, и у ребят в рубке резко упало настроение. И еще кое-что.

– Это капитан. Прекратите засорять эфир.

– Есть прекратить есть и засорять, мастер!

– Тридцать секунд. Разворот. Включаю тормозные.

Катер развернулся дюзами к поверхности Эметы, короткими вспышками двигателей гася инерцию. Он сейчас походил на жука-навозника с драгоценным грузом: короткий крепкий корпус, выбросивший ноги опор, придавленный сверху двадцатиметровым эллипсоидом посадочного модуля.

Или – на гриб.

– Пять секунд.

– Мы тебя не видим, какой-то туман. Пыль поднялась?

– Какая пыль, лед испаряется...

– Есть контакт с поверхностью.

В наушниках – радостные крики, кто-то начал требовать шампанского.

– Это капитан. Поздравляю весь экипаж «Феникса» с успешным началом основной фазы экспедиции. Отдельная благодарность второму пилоту Эрику Андерссону за мастерскую посадку.

Эфир забили аплодисменты и вопли. Эрик отстегнул ремни, осторожно поднялся из кресла, привыкая к одной сороковой нормальной силы тяжести. Невозмутимо посмотрел на неровную линию близкого горизонта – так его предки, перевалившись через борт драккара и выбравшись на серый песок, равнодушно оглядывали равнины Винланда. Подумаешь, новый континент.

Подумаешь, первая посадка на астероид в истории освоения космоса.

– Это капитан. Начинаем действовать по протоколу четырнадцать-Б. Экипажу «Феникса» занять свои места. Викинг, вам удачи.

Там, на орбите, ребята, продолжая возбужденно переговариваться, потянулись из рубки «Феникса». Кто-нибудь обязательно оглянется через плечо на большой экран: камеры катера продолжали передавать круговой обзор скучного пейзажа астероида.

Эрик скомандовал:

– Иван и Шен, приступайте. Сбрасываем модуль.

– Вот сюда, – Бейкер ткнула пальчиком в монитор, – шестнадцать градусов.

Кузнецов кивнул, застучал по клавиатуре. Загудела гидравлика: гриб, кряхтя, приподнял шляпку, здороваясь с крохотной планетой. Эллипсоид пополз в сторону, медленно кренясь. Вздохнули опоры катера, освобождаясь от тяжести.

Модуль опустился на поверхность – гриб лихо сбросил шляпку, как мексиканец – сомбреро перед тем, как пуститься в пляс.

Американец рванулся к шлюзу первым. Кузнецов хмыкнул:

– Слова-то выучил, Джон?

– Какие еще слова, русский?

– Ну как же. «Это один маленький шаг для человека» и далее по тексту.

– Иди ты. Да, мы первыми были на Луне, смиришься.

– Я смотрю, вы везде были первыми, даже в заднице.

Джон развернулся, грозно сияя блистером.

– Дамы и господа-а-а, – завыл Бобби, подражая Майклу Бафферу, – сегодня состоится бой за право обладания поясом чемпиона пояса астероидов! Поясом в квадрате, так сказать. Русский Хорек... Айвен, у вас в России есть хорьки?

– Мне больше нравятся песцы, – буркнул Кузнецов.

– Обойдешься. Русский Хорек про-о-отив Алабамского Скунса! Приготовимся к драке! Кто же кого перевоняет?

– Слушай, ты, утконос, – начал Смит.

– Господа, извините, что отвлекаю вас от важных дел. Мы так и будем стоять у шлюза? Кто-нибудь собирается сегодня стать первооткрывателем Эметы или как? – невозмутимо поинтересовался Эрик.

В камеру набились впятером, было довольно-таки тесно, но австралиец извернулся ужом, потащил Шен за собой и оказался первым на выходе, когда зеленый сигнал разрешил открыть наружный люк.

Спустился спиной вперед по ступеням. Когда оставалось совсем немного, махнул рукой, пропуская вперед девушку:

– Нарекаю тебя королевой планеты! Прыгай первой!

В наушниках послышалось злое пыхтение Джона, но его перебил спокойный голос Эрика:

– Никаких прыжков. Или охота стать спутником этого булыжника? Всем прицепить тросы и передвигаться осторожно.

Первый поход по Эмете длился недолго, всего двадцать шагов до входа в жилой модуль. Пока Иван щелкал тумблерами, включая аккумуляторы, а Шен запускала с наружного пульта Глоба-второго, Боб крутил башкой на все триста шестьдесят градусов.

– Потише, коала, – проворчал Джон, не простивший украденное право первого шага на поверхность астероида, – отвинтишь шлем и лопнешь от перепада давлений. Я за тобой брызги убирать не подписывался.

– Куда ты денешься, если капитан прикажет, – хохотнул Бобби, – будешь драить палубу, как миленький, отсюда и до горизонта. Шен, смотри!

– Не дергай меня, – сердито сказала Бейкер, – Глоб капризничает.

– Вы со своим компьютером носитесь, будто он – человек.

– Квантовых связей у него в мозгах побольше, чем у тебя – нейронных.

Сигнал сообщил о готовности модуля к работе.

– Пошел воздух и нагрев, – сказал Иван, – пять минут, и откроем шлюз.

– Ну, Шен! – ныл Бобби.

– Чего тебе?

– Иди сюда. Погляди!

Даже сквозь стекло шлема было видно, что канадка хмурится. Вздохнув, приблизилась и начала раздраженно:

– Мистер Бор, мы здесь не для игры, здесь все очень серьезно, и если вы... Ух ты! Смотрите!

Все повернули головы.

– Как красиво! Алмазная радуга.

Крохотные кристаллы метанового льда, испарившегося при посадке катера, медленно-медленно оседали на поверхность, сверкая всеми цветами спектра в свете катерных прожекторов.

Когда открылся шлюз, Бейкер отключила связь и прислонила свой шлем к шлему Роберта, чтобы слышали только двое.

– Знаешь, парни мне дарили цветы, свои книги, бриллианты. Но планету, пусть даже крохотную, и такую радугу мне еще никто не дарил. Спасибо, Бобби.

Еще раз стукнулась шлемом, повернулась и медленными прыжками полетела к модулю. Австралиец прошептал:

– Практически первый поцелуй. Значит, будет и второй.

* * *

– Дом, милый дом, – пробурчал Джон, оглядываясь, – надо было сначала запустить животное. Коалу там или утконоса, раз уж других нет. Иван, у вас в России в новый дом сначала запускают медведя? Или бутылку водки?

– Смотря чей дом. Если чужой, то у нас сначала запускают гранату.

– Довольно-таки просторно, – заметил Боб.

– Это пока второй рейс не прибыл. Как станет нас здесь вдвое больше, так будет не протолкнуться.

– Улыбнись, Смит. Мы долетели. И до сих пор не сдохли, – сказал австралиец.

– Тьфу ты. Сглазишь, придурок.

Американец и русский заплевались одновременно, и даже Эрик осуждающе покачал головой; только Шен улыбнулась.

– Так, у нас два часа до занятия «Фениксом» точки сброса твоей платформы, Джон. Давайте пообедаем, нас ждет тяжелая работа.

Наскоро перекусили. Иван достал из контейнера пару сапог, показал, как пользоваться.

– Они называются «гекконы». Видите, подошва шершавая. Покрыта миллионами волокон, которые прилипают к поверхности. Используются силы Ван-дер-Ваальса, то есть молекулярное взаимодействие. Сцепление приличное, можно хоть по стеклянному потолку ходить. Ну, и позволяет удерживаться при малой силе тяжести. Когда нога начинает движение и пятка поднимается, они отключаются – делаешь шаг.

– Это же велкро. Липучки, у меня такие на кроссовках были.

– Бинго, Бобби. Принцип похож. Научиться использовать легко.

– Смотрите-ка, тут написано, – сказал Смит, – «копирайт Ай точка Кузнецов». В России разводят Кузнецовых, как австралийцы – овец? У тебя есть гениальный родственник? Или однофамилец?

– Это мой патент, – просто ответил Иван.

Шен осталась нянчиться с младшим Глобом, синхронизируя его с основным компьютером вышедшего из-за горизонта «Феникса». Бобби пошел на разведку с портативным геологическим зондом, остальные расставляли маяки для точного позиционирования платформы.

– Отличный денек! – воскликнул Бобби, – стадион полон народу, и нет ни малейшего сомнения в том, что чемпионами мира по регби вновь станут валлаби!

– Говорят, у утконосов мозг размером с грецкий орех, – немедленно отреагировал Смит, – врут. Нет там никакого мозга. Чем тогда ты бредишь?

– Грамотей, валлаби – это сорт кенгуру. И еще так называют нашу сборную. Все сходится. Мы гуляем по сибириевому рудному узлу. По две штуки баксов за унцию. Можете набивать карманы.

Иван, кряхтя, крепил лазерный датчик, поэтому промолчал. Джон удивился:

– Откуда такая цена?

– Мы – монополисты. Какие цены хотим, такие и устанавливаем. Хо-хо, на бирже паника, брокеры с сотого этажа гроздьями сыпятся на мостовую! Мировой дефицит пистолетных патронов: олигархи стреляются тысячами!

– Хватит болтать, – сердито сказал Эрик, – Бор, если ты закончил подсчитывать барыши, помогай ребятам. Двадцать минут до начала.

Здрав головы, пытались разглядеть среди крупных звезд «Феникс», нащупывающий стационарную орбиту на пятисоткилометровой высоте.

– Вон, вон! – завопил Смит.

– Ты что, это Юпитер.

– Откуда знаешь, русский?

– Книжки читал. Не чековые.

– Подумаешь, умник, – вяло сказал Джон.

Подключилась Шен:

– Ребята, есть позиционирование. Капитан просит передать вам благодарность за хорошую работу.

Эрик двинулся к модулю, Боб поковылял за ним, бормоча что-то про дурацкую лунную походку и давно умерших поп-звезд.

В зените вспыхнули четыре новых звездочки: стартовавшие с платформы микроракеты, разматывая катушки графеновых тросов, устремились к поверхности астероида.

Смит прерывисто вздохнул. «Волнуется», понял Кузнецов.

– У них головки с бурами, – пояснил Смит, – перед контактом с поверхностью ускорятся, чтобы врезаться поглубже. А потом турбинные буры прогрызут еще на триста футов. Это в ваших метрах будет, э-э-э...

Иван хотел было едко заметить, что все прекрасно и сам знает, во время учебы сто раз рассказывали. И что умножать в уме триста на ноль-три – упражнение для недоразвитого первоклассника.

Но сдержался.

Похлопал по плечу американца:

– Не переживай, все нормально будет.

Джон поглядел удивленно и промолчал, машинально поправляя титановые костыли на поясе.

* * *

– У меня кожа страшно сохнет, а все запасы крема давно кончились.

Астронавигатор Джи на экране монитора кивнула:

– У меня тоже. Это все корабельные осушители воздуха и спиртовые протирки вместо человеческого душа. А жуткая мазь у доктора...

– Пахнет нестираными носками, буэ – подхватила Шен.

Девчонки рассмеялись.

– Мужскими, – уточнила Джи, – был у меня один. Я его выгнала. Не за то, конечно, что он расшвыривал свои чехлы для копыт по всему дому. Хотя, за это тоже. Так еще две недели обнаруживала эти минные закладки в самых невообразимых местах. И ни одного – парного. Мы, наверное, поэтому и расстались: у мальчика просто все, от мозга до носков, не подходило для жизни в паре.

Кто-то с «Феникса», не видимый на экране, громко сказал:

– Джи, прекращай чирикать. Остальное сообщишь в твиттере. Тебя зовут в рубку, отстыковка от лифтовой платформы. И начинаем готовить второй рейс на Эмету.

– Пока, дорогая, – китаянка нагнулась к экрану и прошептала, – как там твой мишка-коала? На мой вкус, остроумен, но болтлив.

– У меня, слава Богу, свой вкус, – рассмеялась Шен.

Зашипела дверь – вошли Эрик и Боб.

– Что с твоим подопечным? – спросил пилот.

– Маленький Глоб принял данные, – ответила Бейкер, – и сейчас дублирует работу корабельного компьютера. Все по плану. Тебе скоро лететь за очередным грузом.

– Через три часа, – кивнул Андерссон, – так что занимайте койки, потом возможности не будет, когда я привезу еще шестерых.

– Можешь их всех выкинуть по дороге, – предложил Бор, – главное, ты моего «Грызуна» не забудь. И аккумуляторы. И топливо.

– И продукты, – подхватила Шен, – кислород, воду, нормальный крем для кожи...

– Солнцезащитный? Да-да, шезлонги, доски для серфинга и билеты на оперу в партер. Умерьте аппетиты. Что прицепят, то и притащу, я всего лишь водила-дальнобойщик.

– Не может быть! – закричал Боб, – какое горькое разочарование! Я-то был уверен, что Эрик Андерссон – лучший пилот ближнего и дальнего космоса, ястреб Галактики, виртуозный мастер головокружительного маневрирования. А он только извозчик. У меня шок, дайте мне виски.

– Перебьешься.

– Все, я буду рыдать.

– Поплачь, это хорошо. Чем в тебе меньше жидкости, тем меньше нагрузка на санузел, – спокойно ответил пилот.

Боб не успел парировать – взволнованный голос из динамика произнес:

– Викинг, это Феникс, у нас проблема с Глобом Большим. Шен, подключай четвертый канал, принимай на себя управление реактором.

– Реактором? Что случилось? – растерянно переспросила Шен, бегая пальцами по панели управления.

– Живее! – завопил динамик – у нас...

И замолчал.

Шен лупила по панели, бормотала неразборчиво, умоляя кого-то о чем-то, а Эрик, замерев, смотрел, как гаснут экраны связи с кораблем.

Потом прыгнул, навис над пультом:

– Где? Где управление радаром?

– Второй монитор.

Вот синяя метка – лифтовая платформа. В ста километрах от нее, где и положено, голубой маркер цистерны – противовеса орбитального лифта.

На том месте, где должен был быть зеленый кружок «Феникса», экран пачкала россыпь серых неопознанных точек. И эта россыпь расплзалась, становясь больше – словно стремительная раковая опухоль, словно бельмо на зрачке локатора.

Эрик, шепча проклятия, удвоил масштаб. Потом еще и еще.

Корабля не было. Нигде.

Боб схватил микрофон и заорал:

– Викинг вызывает Феникс. Феникс, прием. Отвечайте, чертовы ублюдки, что за неуместные шутки?!

Щелкнул динамик местной связи:

– Это Иван. Эрик, тебе стоит посмотреть. Тут непонятно что в зените.

Андерссон крикнул:

– Верхний обзор – на экран!

Прямо над модулем, на черном муаре неба, расцветал невиданный алый цветок, разбрасывая искры и протуберанцы.

Крупные звезды, помаргивая, смотрели на непривычную картину.

В космосе прекрасно все.

Даже смерть.

* * *

– Реактор не может взорваться ни с того, ни с сего. Там автоматическое заглушение, если вдруг синтез выйдет из-под контроля – в третий раз сказал Кузнецов, – и вообще, нет ничего надежнее и безопаснее, чем Новосибирские мини-установки термояда.

– Как ты сказал? Надежный русский реактор? Что вы вообще умеете делать, криворукие? – прищурился Смит, – господа, какие идиоты взяли вас в проект? Сначала вы взорвали планету, а теперь – последний космический корабль.

Кузнецов вскочил:

– Что ты несешь, придурок?! Кто взорвал планету, мы? А не вы, нет? Там, на «Фениксе», были двое моих соотечественников – они сами себя угробили?

– А что, для кого-то открытие, что все русские – ненормальные? Я читал вашего Достоевского, вы даже своих старух рубите топорами, как дрова!

– Брейк!

Бобби ловко ввернулся между готовыми сцепиться Иваном и Джоном.

– Вы закончили, джентльмены? – ледяным тоном поинтересовался пилот, – а теперь прошу всех встать и построиться в шеренгу. Вот здесь.

– Еще один свихнулся, – пропыхтел багровый американец.

– Извольте выполнять сказанное.

Астронавты – красные Кузнецов и Смит по флангам, напряженный Бор и заплаканная Бейкер – изобразили неровный строй.

– Слушай приказ по экспедиции «Феникс». Являясь старшим офицером на борту, принимаю командование на себя. Отныне я, Эрик Андерссон – капитан, и мои приказы являются обязательными к исполнению.

– Блин, мы тут все – трупы, а он про карьеру, – пробормотал Джон.

– Механик Смит, последнее предупреждение, – повысил голос Эрик.

– А давайте его расстреляем? – предложил Бобби, – из огнетушителя.

– Я – за, – пробурчал Иван.

– Инженер Бор, инженер Кузнецов. Когда меня заинтересует ваше мнение, я вам его скажу. Прошу садиться. Продолжаем совещание.

То, что осталось от экипажа «Феникса», поместилось за небольшим столом.

– Итак, причина катастрофы «Феникса» нам неизвестна, и сейчас нет смысла ее выяснять. Подведем итоги. Задачу экспедиции – добыча и отправка на Землю минимум ста пятидесяти тонн сибириевой руды – никто не отменял. Инженер Бор?

Бобби почесал лоб и уставился на Андерссона.

– Мне повторить? – холодно спросил швед.

– Что? – не понял австралиец.

– Что вам, как отвечающему за добычу, мешает выполнить задачу?

– А! Так это легко! У меня нет «Грызуна», видите ли. Когда вы еще были вторым пилотом, капитан Андерссон, вы должны были за ним слетать, помните? Но вас что-то задержало. А теперь лететь некуда!

Бор покраснел и сорвался на истеричный крик:

– Понимаете? Некуда! Там все взорвалось. Мой мобильный автоматический горнодобывающий комплекс, или просто «Грызун», разлетелся на атомы! И еще! Там погибло одиннадцать человек, но это – мелочь, да? Вернуться домой нам теперь не на чем, радиостанции тоже нет, и мы даже не сможем...

– Бобби, я умоляю тебя – заплакала Шен, – возьми себя в руки...

– В руки? У меня-то все в порядке с ними, а вот ты куда пихала свои птичьи лапки, а? Что ты там наковыряла своими ручонками на панели управления, почему в итоге реактор пошел вразнос?

Маленькая канадка вскочила и влепила Бобу затрещину – такую, что австралиец взлетел в воздух и очень долго падал на спину, размахивая руками. Шен отлетела в противоположную сторону, но ее поймал Кузнецов.

– Я готов смотреть на это вечно, – заметил Смит, глядя, как Роберт медленно опускается на пол.

– Спасибо, инженер Бор, вы нам очень помогли, – сказал Эрик, – многое из того, что вы сказали, стало для нас открытием. А теперь продолжим. Но для начала вы извинитесь перед леди.

Красный, взъерошенный Бор поднялся с пола и сел на свое место.

– Мы ждем – спокойно произнес Андерссон.

– Я... Это вот... Оно так вот, – промямлил Бобби.

– Странное дело, – покачал головой Смит, – у утконоса сломалась говорительная машинка. Мисс Бейкер, я восхищен! Это был лучший, а главное – самый полезный удар в челюсть, который я видел.

Роберт набрал воздуха, выдохнул. По его щекам текли слезы. Он встал и сказал севшим голосом:

– Шен, я приношу тебе самые искренние извинения. А также вам, капитан, и вам, господа. Я временно потерял контроль, и впредь такого не повторится.

– Не сомневался в вашем благоразумии, инженер, – немедленно отреагировал Эрик, – продолжим. Я не хочу слушать о том, чего у нас нет, чтобы выполнить задачу. Я хочу услышать, что у нас есть. Или что мы можем предпринять.

– У него есть две кирки, или как они там называются. Я сам видел, – сообщил Джон.

– Геологические молотки, – кивнул Бор, – но это... Это нереально! Сто пятьдесят тонн твердой породы. Мы будем рубить год, а у нас кислорода...

– О запасах ресурсов жизнеобеспечения нам сообщит мистер Кузнецов, когда придет время. Если вам больше нечего сказать, Бор, я передам ему слово...

– Подождите! – воскликнул Бобби, – ну как же, бур для отбора пород. У нас имеется турбинный бур. Если переделать сверла... Точно, надо подумать.

Бобби схватил блокнот и начал что-то черкать.

– Это всегда полезно. Я про «подумать». Иван, что скажешь?

Все с облегчением заметили, что капитан перешел с «мистеров» на нормальное обращение.

– Воздуха на месяц, учитывая патроны для скафандров. Плюс жидкий кислород для испарительной установки. Я ее отключил, и у нас есть неприкосновенный запас.

– Отличные новости. А что с продуктами?

– Тут дела хуже, на борту модуля только аварийный паек, остальное должно было прилететь с «Феникса». Если уменьшить рацион в полтора раза, то хватит на три недели.

– Есть! – крикнул Бор, – Джон, глянь, мы сможем вырезать из титана такие лопасти и приварить к буру?

Смит наклонился над Робертом, попытлся. Потом взял карандаш и провел линию:

– Вот так нормально? Нет проблем, оззи.

– Очень хорошо. Тогда, если работать посменно, то можно будет брать примерно по три тонны в сутки. Это значит... Да.

Все молчали. Понятно было, что времени не хватит.

Наконец, Эрик заметил:

– Что же, отправим столько, сколько успеем. По крайней мере, никто не сможет нас обвинить в том, что мы не использовали последнюю возможность. Джон, что у нас с лифтом?

– Подождите. Стойте. С лифтом у нас все нормально, подъемник через три часа будет здесь. Вы о чем вообще говорите? У нас кислорода на месяц, а что потом? Жратвы нет. Почему никто не говорит о том, что будет потом, а? Я что, должен сдохнуть здесь? Без жратвы? В компании вот с этими? С трепачом-утконосом и чокнутым русским?

– Если ты сейчас выйдешь отсюда без скафандра, я не против: для каждого доля кислорода увеличится на четверть, – спокойно сказал Иван.

Смит подскочил к Кузнецову и закричал прямо в лицо:

– Не делай вид, что ты не думаешь об этом! Вы! – он повернулся к остальным, – вы все об этом думаете! Что мы – обречены. Что у нас даже нет радио, чтобы сообщить, как мы подошли – а уж помощь точно не успеет. И Землю не спасут эти несчастные девяносто тонн, или сколько там выйдет – им для запуска технологического процесса надо сто пятьдесят!

Иван демонстративно вытер щеки и сказал:

– Мятная жвачка – это классно, друг, но я способен сам купить себе бабл-гам, не надо орошать меня слюнями. Я тебе вот что скажу. Я родом из города, которого теперь нет. Когда-то была большая война с фашизмом, и мой город попал в блокаду. У жителей не было шансов. Их бомбили. Они замерзали от жутких морозов. Они умирали каждый день, потому что нечего было жрать. Но они не брызгали слюнями и не плакали под одеялом – они умирали, стоя за станками, на которых точили снаряды. Или дежурия на крышах в ожидании бомбежки. Или в окопах, с винтовкой в руке. Никто не обещал им, что скоро все кончится, что их спасут. Ни хрена подобного! Они шли и делали свое дело. Потому что так и поступают нормальные люди – делают то, что должны. До последнего вздоха.

Смит перестал нависать над Иваном. Отступил назад на шаг и проворчал:

– Только не надо думать, что одни русские сражались с фашистами. У меня прадед погиб в Нормандии. И он тоже знал слово «долг». Ладно, будем копать, пока не свалимся. Или пока меня не добьет аллергия на ваши рожи.

Молчавший до этого капитан сказал:

– Сейчас отбой, спать четыре часа. Всем обязательно принять снотворное. После подъема – траурная церемония, и приступаем к работе.

Когда расходились, Бобби взял Шен за узкую ладошку. Девушка вырвала руку и спросила:

– Чего тебе?

– Слушай, мои предки дрались с японцами на Тихом океане, а про войну в Европе я знаю плохо. Кто были по национальности эти фашисты?

– У них не было национальности, она бывает только у людей. У скотов национальности нет.

* * *

Шен Бейкер, оператор цифровых систем

Мой папа – внук последнего вождя лесных алгонкинов. По крайней мере, он так думал.

Еще мой папа был астрономом. И я мечтала об этой профессии, конечно. Что может быть прекрасней звезд? Тот, кто сумел расслышать музыку, под которую танцуют галактики, кто пытался заглянуть за вуали туманностей, кто слышал зов страдающего от одиночества радио-квара, никогда уже не сможет вылечиться от космоса.

Папа был в Атакаме, работал на радиотелескопе, когда я сдавала экзамены в университет. И когда это началось.

Мы сидели в Монреальском бомбоубежище. Разумеется, связи не было. И папа, сходя с ума, бросился разыскивать меня – через границы и джунгли, через зоны заражения и запретные зоны... Он не добрался.

Война забрала у меня все: небо, мечту, папу. Кому нужны астрономы, если даже Солнце не хочет смотреть на нас, если круглые сутки – ночь, а круглый год – зима.

Папа как-то рассказывал страшную алгонкинскую сказку. О том, как сгорели небо и земля, а великий Киччи-Манито не смог спасти людей. Я не помню, чем там кончилось дело.

Когда я узнала, что «Глобал» поставит компьютеры для «Феникса», то стала лучшим оператором. Я должна была увидеть звезды, и я полетела к ним.

Мне сейчас очень горько. И страшно. Страшно умирать вот так, точно зная, как кончится жизнь: когда счетчик воздуха покажет «ноль». И все.

Горько умирать, когда исполнилась детская мечта о космосе. И когда пришла любовь.

Роб сказал тем утром:

– Слушайте, я идиот.

Смит немедленно и охотно согласился с ним, но Роб продолжил:

– Земле не нужно сто пятьдесят тонн руды. Земле нужно десять тонн сибиря. Мы исхледили из содержания шесть процентов, среднего по месторождению. Но структура залегания показывает: должны быть узлы с гораздо большей концентрацией. С «Феникса» такие детали было не узнать.

– Что ты предлагаешь? – спросил капитан.

– Собрать анализатор. Схему я набросал. Обойти с ним территорию, найти такой узел.

Смит сказал, что «утконос просто не хочет копать, а хочет гулять с анализатором, чем можно заниматься до самой смерти, очень недалеко».

– Зачем пешком? – сказал Иван, – возьмем один из двух реактивных ранцев, подвесим анализатор, придумаем дистанционное управление. Так будет гораздо быстрее.

В тот день мы не копали: чертили, паяли и ругались. И через шесть часов «Птичка» полетела. А еще через два часа Роб нашел «гору Шенандоа». Это он так ее называл, крича, что первооткрыватель имеет право дать имя.

Никакая это не гора, конечно. Невысокий бугор (Смит сказал: «Годовалый бычок и то больше кучу навалит») в двадцати километрах от модуля. С содержанием сибиря до тридцати процентов.

Теперь мы успеем.

Если не я, то другая земная девчонка увидит, как небо над родной планетой становится чистым, и на него возвращаются звезды.

Сегодня Бобби и кэп привезли четыре тонны с горы Шенандоа. Их сменили Иван и Джон. Эрик ушел тестировать бортовые системы катера.

Не знаю, как так вышло. Роб просто подошел сзади и поцеловал меня в затылок.

Заниматься любовью в невесомости очень забавно. Уже ради этого стоит осваивать космос.

* * *

Эрик Андерссон, капитан

Когда подъемник с последней партией контейнеров достиг платформы, я устроил экипажу маленький праздник и распечатал виски. Они хохотали и травили анекдоты, делая вид, что забыли об окончании запасов воздуха. Конечно, у нас есть еще жидкий кислород из неприкосновенного запаса. Ладно.

Тогда Иван подошел и выложил свою бредовую идею. На Землю пойдет всего одна автоматическая ракета, этого достаточно. Ее там будут ловить мусорщики, а в этих ребятах я уверен.

Останутся еще пять транспортников. И цистерна-противовес. Так что топлива у нас навалом. Из всего этого и «Викинга» можно собрать корабль, который теоретически способен долететь до Земли. Одна проблема: чем дышать и питаться в пути, даже если предельно ускорить корабль и сократить время полета до пяти месяцев. Но Иван продумал и это:

– У нас два биомодуля. Они служат для хирургических операций, но и в глубокую кому могут погружать. С минимальным расходом воздуха. Двое уже пристроены. Третьему члену экипажа хватит запасов, чтобы продержаться до того, как нашего монстра Франкенштейна из «Викинга», автоматов и цистерны поймают мусорщики.

– А еще двое?

– Бросим жребий.

– Нет, – сразу сказал я, – или все, или никто.

Он хотел возразить, но тут началось. Шен крикнула:

– Глоб-младший показывает сбой у транспортника. Он не стартует.

Мы перепробовали все.

Ракета не отвечала. Они все не отвечали, все шесть.

Я предложил полететь на катере, но Иван остановил:

– Не надо, это наш крайний резерв. Прокатимся на лифте. Смит, пошли.

Они забрались в пустой контейнер и поехали, забрав последний реактивный ранец.

Они сделали это. Запустили бортовые «мозги» и отправили ракету с сибирием на Землю. А когда возвращались, на высоте двести километров двигатель лифта сгорел, и ролики насмерть застопорили подъемник. Они возились слишком долго и безуспешно. Подъемник умер.

У ребят оставалось кислорода на час. Когда я понял, что на катере не успею добраться, то приказал бросить жребий и спастись на реактивном ранце хотя бы одному.

– Пошел ты на хер, командир, – сказал Смит.

Иван что-то сказал по-русски. Мне кажется – то же самое.

Потом они выкинули ранец из контейнера. Я это видел: я уже стоял у основания подъемника и смотрел в визор.

Потом они трепались о всякой ерунде, потом притихли. Оказалось, что Смит спер у меня остатки виски, и теперь они как-то ухитрились залить его в бачки для воды на скафандрах. Так что языки у них заплетались.

Еще они пели песни дуэтом, причем и по-русски тоже.
А я ничего не мог сделать. Я колошматил по основанию лифта, не чувствуя боли.
В конце Иван неожиданно трезво сказал:

– Я все понял. Я понял, кто взорвал «Феникс», кто убил меня и Джона, почему долетели десять процентов американских и русских ракет. Не все и не ноль, а ровно столько, чтобы человечество оказалось в бомбоубежищах. Корпорация «Глобал», твою мать! Это их компьютеры стояли в командных центрах обеих сторон! Это им мы все платим за воздух, йодные таблетки, за последние крохи жратвы. Гравитонные генераторы для них – потеря власти и доходов. Ребята, отключайте к чертовой матери...

Робот-тележка ударил меня сзади. И потом – манипулятором в шлем, и я господи как больно почему звезды смотрят странно кровавая брусника над фьордом ворон Хугин на плече.

* * *

Последний Воин собрал из костей павших героев каркас и натянул на него лунный свет. Положил в каное тело любимой, оттолкнулся от земли веслом из небесного железа и полетел вверх – туда, где звезды шепчут о вечности, где излечиваются все раны и оживают мертвые.

Напрасно звал Киччи-Манито своих детей вернуться.

Никто не ответил ему.

* * *

Роберт Бор, горный инженер

Я не успел.

Я опять ничего не успел. Я услышал хрип капитана в наушниках и побежал сначала к нему. И только когда увидел, что от него осталось, бросился к модулю. Робот-тележка заходил по дуге, и оставалось десять футов, когда он вдруг вильнул в сторону, врезался в контейнер и замер. Я бился в дверь шлюза, кричал, но она открылась не сразу.

Шен лежала на пульте. Взбесившийся кухонный комбайн изрешетил ее нежное смуглое тело ножами мясорубки, швыряя их на добрых двадцать футов.

Но она успела отключить Глоба-младшего.

Я не помню, как укладывал ее в биомодуль, как ухитрился запустить программу. Кажется, мне подсказывал Иван. Но этого не может быть.

Они были уже мертвы – и Иван, и Джон.

И Эрик.

И весь экипаж «Феникса».

Это не имеет значения. Ракета с сибирием летит к Земле – только это имеет значение.

Если уж мы здесь смогли справиться с Глобалом, то и там смогут.

Иначе – зачем все это?

А может, Иван ошибся про Глобал. То, что произошло – цепь трагических случайностей. Космос суров. Он не прощает ошибок.

Иван как-то сказал мне:

– Человечество способно объединиться. Против общей беды, против гибели. Но «за» гораздо лучше, чем «против». Если бы у человечества было хоть немного мозгов, оно давно бы объединилось ради космоса.

Крышка второго модуля открыта. Как только она закроется за мной, запустится программа глубокой комы.

Люди прилетят. Обязательно. Звезды покажут им дорогу, чтобы спасти Шен Бейкер.

Шенандоа.

Дочь звезд.

Фантазия, творчество; жизнелюбие и всепобеждающий оптимизм

Число 3 символизирует планету Юпитер и является началом так называемого главного ряда, который пробегает все числа от 3 до 9 (3, 6, 9, и все их суммы).

Ольга Рейн

Скажи, что мы не умрем

Облака потрепало и пригладило ветром так, что в свете зимнего вечера небо казалось безбрежной пустыней. Долины, дюны и впадины висели над головой, сиреневые, обманчиво-твердые, и сердцу казалось – можно упасть вверх в этот призрачный, безжизненный ландшафт и уйти по неприметной облачной стежке далеко, далеко, в пресветлый небесный мир.

– Рот закрой, мухи налезут, – сказала Оксана наставительно, протянула холодную руку, прихлопнула Сенькин подбородок. Тот дернулся, будто очнулся – стоял у плетня, голову запрокинув, уронив корзинку с еловыми поленьями, смотрел в высоту, летел над небесной пустыней.

– Чувствую, будто домой меня тянет, – сказал он зачарованно.

– Ты ж в пустыне не был никогда, – Оксана подобрала поленца, затолкала в корзину, ткнула ручку в Сенину руку. – Ты ж кроме этого острова ничего не видел уже десять лет с гаком...

– Сама-то подумаешь, путешественница, – буркнул Сеня, перехватывая корзинку и вытирая широкий плоский нос рукавицей.

– Ну, в Петербург меня доктор Дедов с собой брал...

– Для каких нужд он тебя с собой брал, помолчим из приличия.

– Дурак, – Оксана отвернулась. Короткий ежик ее волос стоял торчком от холода, черные глаза блестели обидой. – Грубиян, невежа, баран туполобый...

Сеня кивал, улыбаясь. Все она верно говорила, однако не уходила же, стояла рядом, куталась в драдемамовый платок.

– Мишка тебя звал елку валить помогать, – наконец сказала она, шурясь в сиреневую даль над головой. – Нянечка Линда сундук украшений сняла с чердака. Тесто на пироги поставила. Говорит – последний Новый Год надо хорошо встретить.

– На старом месте последний, – уточнил Сеня, расправляя плечи. – Может, в Москву поедем, или в Хельсинки – по военной линии учиться, а может, – в голосе прорезалась надежда, – и на фронт нас сразу допустят, белых бить.

Далеко вверх между дюн показалась серебристая гондола патруля. Блеснула и исчезла.

– Ты оденься потеплее за елкой идти, боец-молодец, – сказала Оксана со вздохом. – А то сам уже белый, с синим отливом. Мишке-то чего, он без одежды на снегу спать может после последних препаратов. Чем его пичкали, медведем, что ли? Бурым или белым? Ну не стой столбом, пошли уже, давай мне вторую корзинку, помогу...

Зимние вечера накатывают быстро – занавес темноты падает на мир, не успеешь выдохнуть, а уж ночь. Ночь и зима вместе сильнее, чем соль в воде, тонкой корочкой замерзает море, разбегаются ледовые паутинки – уже не волны, еще не твердь. Темной громадой высится остров, поросший негустым северным лесом, чуть присыпанный декабрьским снегом – много тут не держится, ветра выдумают с камня. Холодно в мире, холодно – а вот светятся окна ярким желтым светом, горит «лампочка Ильича», да не одна, освещает теплую шкатулку большого дома – бывшую усадьбу баронов Алонеус, которую называли они «Ма-Жуа», «Моя Радость». Давно перестали радоваться Алонеусы, сгорели в топках мирового переустройства, хотя поговаривали, что один из молодых барончиков перековался, принял Красную печать и служит в ЧК в Царицыне, а старший атаманит в белых отрядах Сибири. «Радость» уже десять лет была санаторием-интернатом, но и этому предназначению срок вышел – прошлый Новый год здесь справляли шестьдесят детей, а в этом младших групп уже месяц как нет, остался только десяток самых старших, кто здесь вырос и другого дома уж и не помнил. Война потянула через всю Европу с востока на запад бикфордов шнур революций, страны вспыхивали, как спички – Рос-

сия! Австрия! Венгрия! Франция! Сирот стало столько, что призывать не успевали, но сказал свое слово Великий Ленин и люди вспомнили, о чем нельзя забывать. И вот – тепло в большом доме, натоплено от души, наряжена елка, вкусно пахнет мясным пирогом с капустой. Сироты, спасенные от одиночества и холода, сидят у большого камина, смеются, разговаривают. Оксана – из детского борделя в Житомире – хорошенькая, жилистая, сильная, как паровоз. Добрая девочка, всегда младших опекала. Жюльетта, парижская сиротка, приехала в «Радость» немой пятилетней малышкой, а сейчас застыла у огня, ростом под два метра, волосы золотой копной, медальный профиль, вылитая Волшебница Шалот с картины Уотерхауза. Хорошо ей вжилась последняя эссенция, надо бы повторить, прежде чем отправлять девчонку, да пока донор не издох. Сеня – откуда же взялся Сеня? Мальчик тут самый старший, один из первых в «Радости», пичкали эссенциями его уже раз тридцать, больше чем остальных. И успешный он, очень успешный, о том и речь – больше надо, не боясь, не переживая, история медицины не терпит сомнений и жалости. Молодым республикам нужны бойцы, Америка на взводе, грядет большая война. Но слабаки в Центральном штабе уже приняли решение, комитетчики подтвердили, приняли меры, предписали шаги... Обходит остров береговая охрана, да и сверху патрули посматривают... Интернат «Радость» будет расформирован первого января 1924 года, с боем кремлевских курантов превратится в тыкву, и ничего с этим нельзя поделать.

– Почему первого? Что за нелепость?

– Отчетность, – пожимали плечами те, кто принял решение, и рубиновые звезды мерцали на их погонах.

Человек потирает виски, отступает в тень коридора, вдаль от тихого смеха последних воспитанников «Радости», тепла, мягких отблесков елочных игрушек, запаха хвойного праздника. Ждет его большой, как воздушная гондола, ореховый стол, заваленный бумагами, бутылка финской водки за окном на занесенном снегом подоконнике, пишущая машинка с западающей буквой «ять». И одиночество, вечное теперь одиночество. Темен человек, темны его мысли, темны его тени.

– Ну чего вы зырьки свои понаставили? Сказал – не буду, отвяньте.

– Ну спой, Мишенька, – Оксана погладила его по заросшей белым волосом – или уже мехом? – руке.

– Каждый год упираешься, – вздохнул Сенька. – Потом запеваешь, все подхватывают. Не нарушай традицию. В этом году особенно надо приободриться. Тревожно ж всем. Вон у Ксанки глаза на мокром месте все время...

– По мелким скучаю, – сказала Оксана виновато. – Ночью будто голоса их слышу. Хуже всего – что попрощаться не дали, отправили нас в лес, а их в гондолу загрузили и фьют. Машка-мартышка куклу вот забыла, – она достала из кармана тряпочную куколку редкого безобразия, тут же расплакалась, прижала к лицу. Жуля беззвучно передвинулась к ней поближе, обняла.

– Через год будешь взрослая, с паспортом, – сказал Сеня успокаивающе. – Поедешь, найдешь Машку, отдашь ей куклу. Или новую купишь, уродище такое поискать – сама что ли, шила?

Оксана рассмеялась сквозь слезы, кивнула. Посмотрела на Мишку исподлобья. Тот распрямился – плечи у него были как шкаф в кладовке, где мед под замком хранился.

– В лесу родилась елочка, – запел Миша голосом такой изумительной глубины и чистоты, что все замерли на несколько секунд, потом подхватили, осторожно, слаженно, будто все вместе несли хрустальную вазу. Жульетта, улыбаясь, подняла свои точеные руки с белыми пальцами, ногти на которых после последнего препарата заметно удлинились и вздулись посередине, образуя кромку, как у когтей. Она дирижировала, а остальные пели.

– Веселей и дружней пойте, деточки, склонит елка скорей свои веточки, – Сеня немного огорчился, когда последний припев пели. Вот так все хорошее кончается, и «Радость» закрывается, будто дом родной снова отнимают, под самый корешок. – В них орехи блестят золотые, кто тебе здесь не рад, ель зеленая?

Мишка, закрыв рот, пытливо всех обвел блестящими глазами навывкате – кто, мол, не рад? Все были вроде ничего так.

– Ну-ка по кроватям! – в гостиную вошла няня Линда. Она одна осталась на хозяйстве, когда нянечка Наташа, проплакав три дня после отъезда малышей, не выдержала и директор Френч, ругаясь, телефонировал, чтобы прислали патрульную гондолу, увезти сотрудницу лечить нервы. Няня Наташа, опухшая от рыданий, потерявшая среди слез и красных пятен свою красоту, размахисто перекрестила оставшихся воспитанников.

– Деточки мои, – сказала она. – Деточки... Они паслись и играли, как агнцы, славя тебя, Господи, избавителя их...

Молодой капитан не церемонясь, подтолкнул ее в спину, дверь кабины закрылась и на острове осталась только Линда – резкая, строгая, настроенная привить детям более подходящие эпохе религиозные взгляды.

– Задницы поднимайте и по комнатам, куда пошли, невежи, ну-ка поклонитесь перед сном Красным Святцам, кто себя за счастье народов не жалел! Как жить собираетесь среди людей, если... – она вдруг осеклась, проглотила, что сказать собиралась, икнула даже. Тут же опомнилась. – Давайте-ка, всем троим по поклону – великому Ленину, товарищу Аристиду Бриану и кровавому великомученику Сталину...

Свет в коридоре погас, мальчишки покрутились под одеялами и замерли, уставшие от зимы и тревоги. Маленький Адольф – расти он перестал в десять лет, его тогда пичкали акулой, он долго болел и потерял половину зубов – постанывал во сне. Кто-то громко пукнул. Сенька уже собирался и вправду уснуть, но Мишка и не думал – выбрался из кровати и встал у окна. Огромный, мохнатый, он сосредоточенно смотрел вниз.

– Чего там?

– Директор Френч пьяный блукает, по снегу в одних труселях. Они у него революционного цвета, как оклады у красных святцев. Мож, он оттуда тканьку-то стырил? Иди зазырь!

Трусы были длинные, по колено, высокая фигура директора выглядела нелепо – он то шагал по дорожке, высоко поднимая колени, то останавливался и прыгал на месте.

– Хмель сгоняет, – со знанием дела объяснил Мишка. – Налакался, видать, а дела еще не все переделал. Или спать бухим не может.

– Чудной он, – сказал Сеня. – Заковыристый. Темная лошадка. Его сложнее понять, чем бывшего нашего доктора Дедова.

– Того-то чего понимать, одна случка на уме, конь старый. Я у него в столе картинки срамные видел, в Париже такие печатали до революции. За дело его уволили, пока нам девок не испортил...

Директор во дворе под ними потерял равновесие, качнулся и упал в снег. Поднялся поползти и снова свалился.

– Во дурак!

– Пойдем поднимать, – сказал Сенька, ежась от предстоящего холода. – Замерзнет ведь.

– Оставьте меня, – говорил Френч, булькая и мешая во рту русский с английским. – Leave me alone, bugger off. Я тоскую. Я одинок. They told me she's on the island.

– Мы тут все он же айленд, – сквозь зубы сказал Сеня, пытаясь затащить свою сторону директора вверх по ступеням.

– Она на другом, – печально сказал Френч. – На острове Мертвых. Мертвая. Ashes to ashes, dust to dust...

Его голова упала на грудь, и он стал еще тяжелее.

– Не даст, – сказал Мишка. – Никто тебе не даст, если так бухать будешь...

Он отстранил Сеньку, без усилия и без церемоний поднял Френча на руки и понес в дом.

В предновогодний день няня Линда объявила амнистию от обычных домашних хлопот – в доме было чисто, к праздничному ужину наготовлено, директор Френч с тяжелым похмельем заперся в кабинете и велел не беспокоить. Дети разбрелись кто куда – читать, болтать, гулять, наслаждаться последним днем покоя и домашнего уюта. Четверо стояли у воды и смотрели на остров Мертвых – скалу в сотне метров от берега, где испокон веку Алонеусы хоронили своих мертвецов. Когда-то к островку были мостки, да уже года три как обвалились, оставив лишь деревянные опоры торчать из воды гнилыми зубами.

– Ну, поскакали, – сказала Оксана, деловито завязывая на спине полы своего платка. – Со столбика на столбик, как курочки. Одно неверное движение и ледяная ванна, утонуть не утонешь, но приятного мало.

Дорожка, вырезанная в камне, огибала скалу широкой спиралью, по правую руку – море, по левую – склепы и саркофаги. На граните некоторых были вырезаны не только буквы, но и лица, порою даже целые статуи – лежащие мужчины и женщины со спокойными, умиротворенными лицами.

– Аж завидки берут, – сказал Мишка, присаживаясь передохнуть на плиту к «Агате Алонеус, почившей 18 октября 1832 года, в возрасте 18 лет, третьими родами, упокой Господь всех невинных и смиренных». – Не в смысле что родами, – тут же поправился он, – а тоже немножко хочется туда, к ним, тоже отдохнуть, чтобы вот так было...

– Тут-то и порадуешься, что мы бесплодны, – вполголоса сказала Оксана, погладив гранитную Агату по руке. Жулька кивнула.

Они дошли почти до самого верха и резко остановились – в ложбине между двумя камнями лежала мертвая няня Наташа, смотрела в зимнее небо мутными голубыми глазами, а во лбу у нее была черная дырка от пули с подмерзшими красным краями.

От низкого, утробного рычания Сенька вздрогнул, оглянулся с бешено бьющимся сердцем. Жульетта, приоткрыв рот, сжимала и разжимала кулаки, острые ногти ранили кожу, по запястьям побежала кровь. Оксана шагнула к ней.

– Жуль...

Та, не обращая ни на кого внимания, потянувшись, закрыла Наташины глаза. Легла рядом с ледяным телом, прижалась, затихла. С закрытыми глазами Наташа стала очень красивая и спокойная, как гранитные покойники острова Мертвых. Светлые волосы смерзлись, тоже были как из камня. Жулька подняла руку и погладила их, марая кровью.

– Надо сказать директору Френчу!

– Он знает, – тихо ответил Сеня. – Он все знает.

– Сегодня последний день, – вдруг сказал Мишка.

– Перед Новым Годом? – с надеждой спросила Оксана.

– Последний, – повторил Мишка, не глядя на нее, поднимая голову в небо, где ponad горизонтом, у самого материка, проходил воздушный патруль. – А мы тут, как звери в ловушке... Вода ледяная, не уплыть. Воздух не держит, не улететь. Не спрятаться...

Когда возвращались к «Радости», Сеня умудрился в воду свалиться, не удержался на столбике в пяти метрах от берега, ухнул в ледяное. Хотел закричать, но вопль застыл в горле угловатым острым куском. Жулька его без видимого усилия из воды подняла, держа за шкирку, как котенка. Прыжок – и на берегу, и ветер схватывает коркой соленую воду на лице...

– Ей там спокойно ббудет... – пробормотал он, стуча зубами. – Им вдвоем там... И детки...

Жулька с Мишкой, уперевшись, сдвинули плиту со старого саркофага. К мертвой девочке-баронессе и ее новорожденным близнецам положили Наташу. Задвинули, поклонились, и домой, Новый Год встречать.

В библиотеке в кресле у окна сидела няня Линда и вязала на спицах что-то, на поверку оказавшееся фигурой из Красных Святцев, сверху на елку посадить.

– А то у нас устаревший ангел рождественский, – объяснила она, – а его нельзя уж. Другой праздник, другой мир, другие символы. Ну-ка, девочки, подсобляйте. Ксанка, голову вяжи, а ты, Жуль, усы вырежь из бурого фетра. Будет Сталин пусть.

– Может, Ленин? – спросила Оксана, критически осматривая нянину вязку. – Больше похож. Толстый, красный, лысый...

За это ей был даден подзатыльник, спицы, пряжа и велено не святотатствовать. Жуля улизнула и теперь дышала Сеньке в затылок, заглядывая в библиотеку. Все молчали, не зная, что делать – в доме было так тепло и привычно, где-то звучал смех, пахло корицей и мандаринами. Мишка ходил по коридору, как медведь по клетке, из угла в угол. Потом ударил по стене кулаком.

– Пошли, – сказал. – Буду с Френчем базарить. Как мужик с мужиком. А не выйдет, – он потянулся, хрустнул суставами мощного тела, – будем как зверь со зверем.

Френч был еще чуть теплый, когда они его нашли – в кресле за ореховым столом, с выпавшим из руки наганом, с лицом тревожно-удивленным, будто бы что-то на потолке поразило его в самое сердце. Сеня глянул – ничего такого не было, только доски и дохлый паук. На стене за Френчем подсыхали красно-серые потеки – и как это никто выстрела не услышал? На столе среди разбросанных бумаг и писем – «My dearest „Dr. Moreau“ if I may jokingly call you so...» начиналось одно – лежала дагерротипная карточка Наташи с крупно написанными поверх портрета цифрами и словом «door».

– Шифр от двери в медчасть, – сказал Сеня. – Ну что, пойдём смотреть или няню Линду звать, чтоб телефонировала в милицию?

Жулька молча взяла карточку со стола и вышла из кабинета – медицинское крыло началось сразу за углом.

– Хорошо, что Ксанка не видит, – сказал, наконец, Сеня. Когда смог говорить, когда тишина, давящая на уши, его уже почти расплющила. Когда разум, не пропуская ничего под поверхность, потому что не пролезало, уже осмотрел и запомнил все в лаборатории – самой дальней комнате, за хирургической операционной. Там-то все бывали, ложились на белый стол, и доктор Дедов, а потом профессор Френч доставал каучуковые пробки из золотых трубочек, которые всем детям были вживлены в мозг, в живот и в позвоночник и вводил препараты – вытяжки «эссенциальных клеток». Иногда от них становилось лучше, иногда хуже. Тела менялись, вырастали когти или выпадали волосы, кожа покрывалась шерстью или язвами, обострялся нюх, глаза начинали видеть в темноте или зарастали тяжелыми сморщенными веками, которые потом приходилось удалять, и это было страшно и больно. Но Сеня бы лучше еще три раза веки отрезал, лишь бы не было сейчас перед ним ящика с тонкими золотыми трубочками, еще не мытыми, покрытыми запекшейся кровью, и не стояли бы рядом высо-

кие банки заспиртованных препаратов – вытянутая голова Машки-мартышки, опухшие глаза закрыты, волосы заплетены в две косички, нелепо прижатые к стеклянным бокам банки. Когтистая рука девятилетнего Саши – пальцы почернели, круглые чешуйки на них вздулись. Чьи-то вырванные с корнями зубы, клыки, желтые резцы, маленькие, но острые...

– Они не уехали, – сказал Мишка, медленно, выталкивая слова сквозь время, как сквозь бесцветный мед. – Они все здесь... И мы не уедем... Новый год...

Жулька зарычала, потом заскулила. Тут же что-то большое двинулось в углу, дети застыли.

Распятый на огромной деревянной раме, опутанный трубками и проводами, ведущими к тусклому шкафу динамо-машины, на них смотрел тигр. Животное было измучено, но янтарные глаза смотрели спокойно и властно, и в каждом сделанном из последних сил движении была грациозная конечность. Жулька шагнула к тигру.

– Осторожнее, – прошептал Сеня. Из каких-то немыслимых глубин памяти всплыл давний теплый день, Московский зоопарк, неудобные новые штанишки, низкий голос мамы, мягкая рука на щеке, цветочный запах – и тигр в клетке, в которую втолкнули козу. Как быстро, с каким крохотным усилием, одним плавным движением лапы коза была убита и лежала на засыпанном соломой полу – уже не животное, уже просто мясо.

Жулька взяла со стола длинный хирургический нож, перерезала путы, трубки, провода. Тигр, перевалившись через раму, тяжело рухнул на пол. Жулька села рядом, положила белую тонкую руку на тусклый мех. Тигр вывалил жесткий серый язык, потянулся, лизнул ее. Жулька наклонилась, успокаивающе рыкнула, тоже лизнула тигра в сухой шершавый нос, обняла одной рукой за шею, а второй изо всех сил вонзила в нее нож, дернула, пересекая сонную артерию. Держала его, пока он умирал – недолго, меньше минуты. В желтых глазах его почти ничего со смертью не изменилось.

– Жулькины последние препараты... – сказал Сеня Мишке, – из этого тигра... Ее три раза пичкали за полгода. А он был тут... И все наши теперь тоже... тут. Ванька самый младший был, да? Пять ему было... А еще какого-то младенца привозили в сентябре, я думал – увезли обратно, усыновил кто-нибудь...

Мишка, будто не слыша, стоял на коленях, глаза его были закрыты.

– Господи, любви неизреченная, помяни усопших рабы Твоя, – вдруг тихо запел он чистым своим, хрустальным голосом. – Яко последнее ко вразумлению и покаянию знамение смерть даровал еси, Господи. При грозном блистании ея суета земная обнажается, страсти плотския и страдания утихают, непокоривый разум смиряется. Правда вечная отверзается...

– Мы здесь все умрем, – перед Сеней отверзлась правда, и ей приходилось смотреть в лицо. – С этого острова никого не выпускают...

– Никого, – эхом откликнулась от двери няня Линда. В руке у нее был наган директора Френча, она повела им, осматривая лабораторию и замерших детей. Когда ее взгляд упал на банки со спиртом, оружие задрожало, дыхание встало всхлипом.

– Ох, – сказала Линда. – Ох, господе Иисусе, права была Наташка...

И тут же собралась, опомнилась, снова поджала губы.

– Выходите, шагайте аккуратно и не вздумайте на меня прыгнуть, пристрелю...

В библиотеке было пусто, тихо, тепло. Вязаный Ленин валялся на полу, а Оксана, сидя в кресле, качала на коленке пухлую маленькую девочку со светлыми кудряшками.

– Вжж – полетела гондола, – говорила она, дергала коленкой и девочка хихикала.

– Агата, – сказала Линда. – Я ее так назвала. Это ее последней привезли, как раз перед тем, как решение было принято о... расформировании. У нас таких крошек не бывало никогда. Не смогла я ее отдать на заклание. Она чистая, чистая деточка, ее еще никакой дрянью не успели напичкать, как вас...

– И где вы ее... как вы?

– Унесла в суматохе и на чердаке прятала, – сказала Линда, дернув ртом. – Там есть тайная комната. Там и спрятана педальная гондола моего отца, на которой вы попыгаете спастись в эту ночь. Все Новый Год празднуют с удвоенным рвением, раз Рождество запретили. Все пьют, причащаются Красных святцев. Может, и выберетесь из патрульной зоны до утра...

– А как вы... А вы? А откуда про комнату узнали?

– Она из рода Алонеусов, – подала голос Оксана. Малышка доверчиво прижалась к ее плечу – бледненькая была очень, столько недель без свежего воздуха. – Я еще в прошлом году книжку нашла, там портрет старый, няня Линда похожа очень.

– Да, я – Белинда Алонеус, – сказала Линда, распрямляясь, откидывая с лица волосы и делаясь очень внушительной. – Это мой дом, это мой остров. Шестнадцать поколений моих предков родились и умерли здесь... и, хорошенько подумав, я сделаю так же. Пойдемте, дети. Миша, сдвинь-ка вот этот стеллаж...

Через семьдесят четыре ступеньки они оказались в комнате на чердаке. Линда чиркнула спичкой, зажгла свечу, обвела зыбким светом небольшое пространство, половину которого занимала закрытая чехлом конструкция под потолком. Под нею стоял большой сундук с дырявой крышкой, вокруг – пустые бутылочки от молока.

Жульетта подняла одну, понюхала, сморщилась.

– Конечно, опаивать пришлось Агату, – пожала плечами Линда. – Или так, или Френч бы ее нашел. Я ж не знала, что у него совесть проснулась. Да и то как посмотреть – может это и не совесть, а умом он двинулся после того, что делать пришлось. Он же сюда науку двигать ехал из Оксфорда, а не газом отравленных в кабине гондолы детей потрошить...

– О чем это она? – спросила Оксана подозрительно.

– Тсс, потом тебе все расскажу, – прошептал Сеня, твердо зная, что никогда ей всего не расскажет.

Линда потянула вниз брезент. Гондола выглядела допотопно – каучук на сфере с газом весь растрескался, легкая деревянная рама с тремя сиденьями и педалями тоже доверия не внушала.

– А как же остальные? – спросил Сеня. – Друзья...

– Ваши друзья сидят внизу у камина, – сказала няня Линда, и голос ее был очень усталым. – Поют песни, пекут картошку. Борис на прошлой неделе стащил из кабинета Френча литровую бутылку шотландского виски, думает, что я не знаю. Так они будут пить аккуратнее и радоваться от того, как хитро меня обманули. Девочки морщатся, хихикают, но тоже пьют. Под елкой подарки... Думаешь, Сеня, кто-нибудь захочет сейчас узнать, что они обречены? Или променять последнюю ночь праздника и радостных надежд в домашнем уюте и тепле на полет сквозь метель над ледяным морем – в неизвестность?

– Я не могу спасти всех, – сказала Линда. – Но могу попытаться спасти троих. И Агату. А завтра будет новый... год. Я все всем объясню, покажу лабораторию и раздам оружие.

Жулька показала на Сеню, Оксану, Мишу. Подняла три пальца, будто бы никто из них до трех считать не умел. Кивнула торжествуя.

– Не, – сказал Мишка. – Неправильно считаешь.

Она мотала головой и сопротивлялась, но он прижал ее руки к бокам и нежно, непреклонно дотащил до гондолы. Поднял, усадил. Она дернулась слезть, но Мишка забрал у Оксаны уже укутанную в платок, как гусеница в кокон, малышку, сунул Жульетте в руки, будто замком к месту ее припечатал.

– Сеньку берегите, девки, он головастый, из любого пердимонюкля вытащит. Умный, как... кто у нас из зверей самый умный?

– Человек, – сказал Сеня. Линда потянула рычаг у стены, крыша открылась, гондола начала подниматься в темноту.

– Скажи мне, – вдруг сказал Мишка, не отпуская Жульеттиной руки и голодно глядя ей в лицо. – Скажи...

– Мммм, – страшно замычала Жулька, чудовищным усилием выталкивая звук сквозь натянувшееся жилами горло. – Ммы, ммы...

– Я так и думал, – улыбнулся Мишка, отпустил ее руку, поцеловав, подпрыгнул, толкая гондолу вверх. – Бывайте, ребята, мы тут завтра повеселимся напоследок. Будет отряду зачистки полное Ма-Жуа, придется второй присылать, а повезет нам – так и третий.

– Крути давай педали, – гнусаво сказала Оксана Сеньке, – пока тебе не дали. А как дадут... – ее голос сорвался, дрогнул, но она сглотнула и закончила, – так педали отпадут.

И истерически засмеялась. Они были уже высоко. Стрелка компаса слабо светилась в темноте, снег жалил лицо тысячами крохотных невидимых пчел.

– С Новым Годом! – хотел сказать ей Сеня, но молча приналег на педали.

Тимур Максютлов

Знамя ночного мотылька

Фан Дык Ха создал «Государство Небесного Благоденствия Свободных Людей» из ничего – из грязи индокитайских джунглей, стреляных гильз и перевязанных окровавленными бинтами бамбуковых палочек. Историки говорят, что оно просуществовало тридцать три года; это неправда. Никто так и не смог его уничтожить и сжечь столицу, которой не было – значит, оно существует до сих пор.

Началось все с того, что французский лейтенант возжелал сестру Фана, луноликую Суан. Это неудивительно: посмотреть на красавицу приходили даже полудикие охотники с той стороны Шаншанского хребта. Они вели себя прилично: неслышно являлись ночью и садились на корточки, кладя на колени бамбуковые духовые трубки, из которых метко плевались колючками, смазанными вонючим соком аманга.

Дикари с окрашенными охрой щеками ждали утра: на рассвете грациозная Суан вместе с другими женщинами деревни отправлялась за водой на реку. Они шли пестрой стайкой и звонко пели, подыгрывая себе на маленьких барабанах – и не от нечего делать, а чтобы прячущийся в тростниках тигр испугался громких звуков и передумал нападать.

Охотники неслышно скользили между лианами, недалеко от тропинки, любовались красавицей и наслаждались серебряным ручьем ее голоса. А потом исчезали, оставив предварительно у стены хижины связки ярких перьев невиданных птиц и свежую тушу горной обезьяны.

Французский лейтенант пришел не один – с тремя десятками желтолицых солдат. Солдаты были худые и голодные; длинные штыки их винтовок торчали во все стороны, словно иглы испуганного дикобраза. Офицер велел привести старосту деревни. Зуавы отправились искать; чтобы заглушить свой страх, они зло визжали – громче даже, чем визжала откормленная к Празднику Дождя свинья, которую вояки закололи штыками. Солдаты храбро задирали подолы юбок и ворошили навозные кучи. Они атаковали сарай, где прятались мешки с рисом, а потом взяли в плен две дюжины кур; ощипанные заживо куры не выдержали пыток и рассказали, как искать старосту, прежде, чем солдаты их сварили.

Староста был там, где и всегда – в своем крытом бамбуком доме, что в центре деревни.

Старосту притащили на веревке. Солдаты уже выкопали бочонок с рисовой брагой, поэтому шли очень долго – их сильно шатало, соломенные тапочки застревали в грязи единственной улицы, и дошли не все – многие полегли на этом пути и захрапели.

Багровый лейтенант в пробковом шлеме щелкал тонким хлыстом по желтым крагам и лениво спрашивал:

– Ну-с, бунтовать будем, чтобы я с чистой совестью спалил эту груду грязной соломы, которую ты называешь своей деревней? Или все-таки приведешь и подаришь мне красотку Суан?

Старосту качало, как бамбуковый побег на ветру. Седые волосы слиплись, будто рисовые метелки после дождя. Он потрогал изодранную веревкой шею, утер обильно бежавшую кровь и пробормотал:

– Как я могу подарить то, что мне не принадлежит?

– Ну, ты же местное начальство. Видишь эту толпу пьяных обезьян? Это мой пехотный взвод. Он принадлежит мне целиком – от драных патронных подсумков до жизней этих уродов. И твоя деревня, стало быть, принадлежит тебе целиком, вот и подари мне всего одну девку, чтобы сохранить остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.